

Дмитрий Янковский

Теория струн

Серия R.E.L.I.C.T. Книга первая

R.E.L.I.C.T.

Дмитрий Янковский

Теория струн

«Издательские решения»

2016

Янковский Д. В.

Теория струн / Д. В. Янковский — «Издательские решения»,
2016 — (R.E.L.I.C.T.)

ISBN 978-5-4474-8939-7

Первый роман серии R.E.L.I.C.T. Три миллиона долларов — сумма немалая. Но именно столько предлагает глава японской корпорации «ХОКУДО» двум нью-йоркским аферистам за участие в таинственной миссии, пройти которую способны лишь патологические везунчики. Уолтер Хант и Ганнибал Мэтью соглашаются, но быстро понимают, что все не так просто, и участие в этой миссии шаг за шагом загоняет их в смертельную ловушку. Чтобы спастись, друзьям придется полностью поменять свое представление о реальности.

ISBN 978-5-4474-8939-7

© Янковский Д. В., 2016
© Издательские решения, 2016

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	20
Глава 4	25
Глава 5	35
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Теория струн
Серия R.E.L.I.C.T. Книга первая
Дмитрий Янковский

Ложки не существует!
Кинофильм «Матрица»

© Дмитрий Янковский, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

в которой Уолтер Хант и Ганнибал Мэтью едва не становятся жертвами собственной жадности, чудом выпутываются из передряги, но тут же попадают в другую.

Уолтер Хант получил такой мощный удар кулаком в челюсть, что бьющие в глаза прожектора на миг померкли, а вот внутреннее пространство под черепом, наоборот, осветилось разноцветными искрами. Публика вокруг ринга взревела от восторга, а сам Хант, потеряв равновесие, чуть не грохнулся на ковер. Не смотря на почти полную потерю ориентации, он схватился рукой за канат ограждения и нанес мощный удар ногой назад. Он не знал, находится ли там противник, но в такой ситуации надо просто прикрыться ударами, иначе точно ляжешь от добивающего.

Повезло. Торжествующий противник ринулся добивать поверженного, как ему казалось, Уолтера, и не успел прикрыть нижнюю часть туловища. Удар ногой пришелся ему точно в пах, словно у Ханта не нога была, а ракета со специфической системой самонаведения. Здоровяк хрюкнул, взвыл, присел, согнулся пополам, а Хант, все еще не видя, только на звук, нанес два сокрушительных удара. Противник рухнул на спину, как шкаф, у которого подломились две ножки из четырех, выбив из ковра облако пыли, сверкающей в лучах прожекторов.

Ориентация постепенно восстанавливалась, и Уолтер разглядел, как в полутьме на трибунах беснуется толпа зрителей. Часть, несомненно, радовалась. Но это была малая часть. Остальные, кто поставил на здоровяка, выкрикивали оскорбления в адрес Уолтера, бросали скомканную бумагу и полупустые пивные банки.

Охранники, пару раз пальнув в воздух из ружей, толпу утихомирили, но Уолтер волновался по другому поводу. Зрители всегда чем-то недовольны, на любом раунде боев без правил. Кто-то выигрывает, кто-то проигрывает. Такая это суровая развлекуха. Зрителей в расчет брать просто глупо. Они выполняют лишь одну функцию, функцию стада, приносящего деньги в клуб «Шахматная улыбка». И оставляющего их тут. Бояться следовало не стада, а пастуха. И его волкодавов. То есть, Макса, владельца клуба, и его личной гвардии.

К тому же у Макса была вполне конкретная причина выразить недовольство, чего уж там. Они договорились с Уолтером, что тот ляжет во втором раунде и получит свои, честно заработанные, деньги. Но у Ханта имелись обстоятельства, побудившие этот договор нарушить. А значит, надо было делать ноги, пока его не прищучил Макс.

Конечно, на публике владелец клуба никакой агрессии не проявит, иначе его толпа разорвет, за проведение подставного боя. Нет, все начнется чуть позже. В раздевалке, к примеру.

Уолтер помотал головой, так как в ушах еще свистело от полученного удара, поднял руки, приветствуя зрителей, похлопал по плечу рефери, объявившего о победе, потом перемахнул через канаты ограждения и направился в сторону раздевалки. Он заметил, что его уже пасут. И не охранники, конечно, тем знать таких тайн не положено, а двое личных гвардейцев Макса с китайскими рожками.

Действовать надо было быстро. Проходя мимо здоровяка, охранявшего с ружьем выход между трибунами, Хант неожиданно схватился за ствол, и тут же зарядил верзиле коленом в пах. Бедняга согнулся, а ружье осталось в руках Уолтера. К сожалению, заряжено оно было резиновыми пулями десятого калибра, а не свинцом, но это, в принципе, тоже не плохо.

Не давая охраннику возможности разогнуться, Хант нанес ему мощный удар прикладом в челюсть, чем отправил его в глубокий нокаут, тут же вскинул ружье к плечу и, метров с два-

дцати, взял на прицел одного из ринувшихся к нему китайцев. Ружье грохнуло, поддав добрым пинком в ключицу, а китаец словно сходу налетел на невидимое препятствие. Здоровенный резиновый шарик так припечатал ему в грудь, что у китайца ноги от земли оторвались, после чего тот грохнулся на пол.

Не тратя времени, Хант рванул к выходу. Толпа, не понимая, что происходит, тоже пришла в движение. Но это сейчас было скорее на руку. Перепуганные, озлобленные, возбужденные зрелищем люди вскакивали со своих мест, толкались, дрались, пытались тоже пробиться к выходу. Эта стихия подхватила второго китайца, и смела с выбранного им пути.

Хант с разбегу, одним пинком, вышиб дверь и выскочил в коридор. Конечно, там уже были охранники с ружьями, но было бы совсем уж наглостью рассчитывать, что никто и никак не отреагирует на развивающиеся события. Уолтер пальнул с бедра, и вроде попал, но и с противной стороны грохнули ружья. Одна из резиновых пуль попала Уолтеру в левую руку, вызвав такой приступ боли, что у того чуть глаза из орбит не вылезли. К счастью, через двери в коридор прорвалась толпа, охранники стрелять в сторону людей поостереглись, тогда как Уолтер получил тактическое преимущество. Пальнув с короткой дистанции в гущу охранников, он пинком открыл боковую дверь, ведущую в сортир, заскочил туда, и использовав ружье в качестве подпорки, заблокировал вход.

Рука болела невыносимо, но лучевая кость уцелела, что, в принципе, можно было считать достижением, так как из таких передраг мало кому удавалось выйти вообще без потерь.

Сорвав с унитаза бачка крышку, Хант разбил ей оконное стекло, за которым виднелись толстые прутья стальной решетки, а за ними спасительные улицы ночного города. Хант прильнул к окну и выкрикнул:

– Ганни, я тут! Жми!

Снаружи взревел мощный мотор. Цепь, пристегнутая альпийским карабином к решетке, рыком натянулась, и вынесла последнее препятствие, отделявшее Уолтера от свободы. За дверью грохнули выстрелы, вынося из нее щепки, а из покрытых кафелем стен белые брызги. Треляли боевыми, шуточки кончились. Уолтер запрыгнул на подоконник. Несколько пуль, с басовитым шмелиным звуком, прошили воздух в паре дюймов от головы.

Выпрыгнув из окна, Хант со всех ног бросился к поджидавшей его бело-зеленой «Хонде», отстегнул от пегли цепь с решеткой, и плюхнулся на пассажирское кресло. Левая рука опухла, пальцы слушались плохо.

Сидевший за рулем Ганнибал Мэтью тут же до пола вжал педаль акселератора. Из-под завизжавших задних колес вырвались облака дыма, а машина рванула вперед, как из катапульты.

– Погоня! – спокойно заметил Мэтью, глянув в зеркало заднего вида.

За ними, взрывая моторами и разгоняя ночную тьму ксеноновым светом фар, мчались два черных «Шевроле Тахо».

– На этих зерноуборочных комбайнах им за моей ласточкой не угнаться! – уверенно заявил Ганнибал. – Только пристегнись, ты и так плохо выглядишь.

Хант глянул на себя в отражение на лобовом стекле. Бой даром для него не прошел, на левой скуле виднелся кровоподтек, а глаз открывался с трудом.

– Я бы на тебя посмотрел, как бы ты выглядел после такого... – пробурчал Уолтер.

– У меня, дружище, чуть другая специализация.

Это было правдой. Если Хант пополнял свой карман за счет незатейливых азартных игр и боев без правил, то Ганни неплохо справлялся с нелегальными ночными гонками по городу, и без раздумий вязывался в официальные покерные турниры.

– Вот и продемонстрируй, – посоветовал Уолтер.

«Хонду» занесло, и в этом контролируемом заносе Ганнибал без видимых усилий, не сбавляя скорости, вписался в девяностоградусный поворот. Водители Макса, похоже,

такими навыками не обладали. Один из внедорожников в поворот не вписался, хватанул бампером фонарный столб, пронесся по тротуару, высекая бортом искры из стены здания, и значительно отстал, так как водитель, с перепуга, вынужден был сбросить скорость. Второй был половчее и, обогнав товарища, продолжил погоню.

– Одному каюк, – уверенно заявил Ганни.

– Это с чего?

– Он в столб въехал, повредил радиатор, значит, мотору жить осталось минуты две.

Позади раздался вой очереди из скорострельного «Ингрема», слева от «Хонды» из мостовой полетели искры.

– Вот этого я не люблю, – признался Мэтью, снова выкручивая руль. – Это неспортивно.

Инерционный ремень безопасности вжал Ханта в кресло, мешая центробежной силе бросить его на дверь.

– Оружие есть? – спросил Уолтер.

– Ты же знаешь, я не любитель!

– Твою мать...

Пришлось заткнуться, и положиться на водительское мастерство Ганни. Но тот, надо признать, с задачей справлялся на совесть. Один из внедорожников, действительно, отстал, и видно его не было. Другой держался на хвосте, но Мэтью не давал сидящим в нем китайцам вести хоть сколько-нибудь прицельный огонь, то и дело уходя в дрифт на крутых поворотах.

– Держится, гад, – сквозь зубы процедил Ганни. – Надо выбираться на более оживленную улицу.

– С ума сошел? Нам только в пробке застрять не хватало!

– Не дрейфь, дружище! Все будет люкс! Пробки нам не нужны, но небольшой трафик не помешает. Я то в «шашечки» играл, будь здоров, а насчет мастерства узкоглазых у меня есть некоторые сомнения.

Спорить было глупо. Ганни знал ночной Нью-Йорк лучше, чем интимные прелести собственной подружки, с которой встречался точно реже, чем гонял по городу. Вскоре машин вокруг, действительно, прибавилось.

– Ну, пусть теперь постреляют, – с усмешкой произнес Мэтью.

Сам он без видимых усилий гнал «Хонду» по дороге, обходя машины медлительных горожан одну за другой.

– Копов, наверняка, уже вызвали. – Хант добавил половник дегтя в кастрюльку с медом.

– Это мне не интересно, дружище, это мои, поверь, трудовые будни. За такой куш, как мы с тобой сейчас сорвали, мне бы пришлось гонки три провести. Если не больше. Там копов тоже никто не отменял.

– Сколько вышло? – С подачи товарища Хант вспомнил о деньгах.

– Семьдесят штук всего, по тридцать пять на рыло.

– Ни фиги себе! – Хант потер руки. – В чем ты вынес такой куш?

– Узел из ветровки сделал. – Ганни жестом показал на заднее сиденье.

Там, действительно, лежал целый ворох купюр в застегнутой на молнию куртке.

– Круто.

– Ну, идея насадить на кукан Макса была твоей, – признал очевидное Мэтью. – Ставки на твой выигрыш шли один к пятнадцати, Макс накрутил. Он ведь был уверен, что ты проиграешь. Так что мы с тобой выгодно вложили деньги.

– Еще бы ноги теперь унести. – Хант поморщился, шпошевеливая пальцами травмированной руки.

– Унесем, – пообещал Мэтью.

Проскочив мост, они вылетели в расчерченные, как по линейке, кварталы Джерси. К сожалению, машин в ночной час почти не было, а разогнаться во всю мощь на темных улоч-

ках, где под колеса мог выскочить какой-нибудь бомж, Ганнибал не решался. Так что китайцы начали нагонять. Они на бампер могли принять кого угодно, без ущерба для ходовых качеств, а вот легкая «Хонда» по характеристикам прочности заметно проигрывала.

И вдруг произошло то, чего не ожидал никто. «Хонда» ярким снарядом пронеслась через перекресток на желтый сигнал светофора, тут же зажегся красный, и когда на пересечении улиц оказался «Тахо» преследователей, в него, на полном ходу, врезался огромный бронированный фургон, какие используют для перевозки банковских ценностей. Удар был такой силы, что «Тахо» сплюснулся и взорвался, даже не успев отлететь в сторону, поэтому по дороге закувыркался лишь смятый пылающий остов. Броневик имея большую массу, меньше отклонился от траектории, но досталось и ему. Головы водителя и сидящего рядом охранника буквально размазало по пуленепробиваемому лобовому стеклу, залив всю кабину кровью. Фургон занесло он опрокинулся на бок, и заскользил по асфальту, сметая на своем пути пожарные колонки, парковочные автоматы и пристегнутые к столбам велосипеды. Пыли поднялось столько, что она, в лучах фонарей, напоминала полноценную дымовую завесу.

Ганнибал глянул в зеркало заднего вида и хотел свернуть обратно к мосту, но Хант выкрикнул:

– Стой!

Мэтью знал друга не первый год, а потому сразу понял, что у того на уме. Он ударил сначала по тормозам, а потом врубил заднюю передачу. Воя трансмиссией, «Хонда» разогналась, развернулась на сто восемьдесят градусов, проехала перекресток и остановилась у перевернувшегося фургона. Рядом из сбитой пожарной колонки вночное небо била тугая струя воды.

Редкие прохожие разбежались, опасаясь, что стали свидетелями то ли ограбления банковского броневика, то ли разборки между бандитами. Водители так же, либо сворачивали, либо спешили проехать как можно скорее.

Из приоткрывшейся задней двери фургона на асфальт вывалился парень в черной форме и бронежилете, выронив из рук штурмовую автоматическую винтовку. Похоже, он сильно пострадал при ударе, и находился в шоковом состоянии. Ганни поднял винтовку, снял с предохранителя и пару раз пальнул одиночными в воздух. Тут же все без исключения водители начали сворачивать на перекрестке, стараясь объехать опасное место.

– Слушай, да он узкоглазый! – удивлено воскликнул Уолтер, глядя на пострадавшего.

– Китаец, – согласился Мэтью. – Или япошка, сто пудов.

– Или якут, – иронично добавил Хант.

Он, орудуя только здоровой рукой, оттащил контуженного в сторонку, и распахнул дверь фургона. Внутри лежали еще пятеро, с неестественно вывернутыми конечностями. Пол был залит кровью, а посередине, зажатый в амортизирующем станке, виднелся черный контейнер, размером со стопку книг. Больше ничего внутри не было, если не считать оброненного оружия. Ганнибал отстегнул контейнер и взвесил его в руке.

– Подозрительно легкий, – с сомнением заметил он.

– Херня, – возразил Хант. – В броневиках возят только ценные вещи. Берем и сваливаем. Там разберемся.

Все поверхности бокса были гладкими, и держать его было не за что. Пришлось Ганни сунуть его под мышку. Уолтер собрал за ремни три автоматических винтовки, которые можно было без проблем продать через знакомого дилера, после чего они с Мэтью поспешили вернуться в машину и дать деру.

– Как думаешь, что в нем? – спросил Хант, когда они устроились на сиденьях.

– В контейнере? А есть разница? – Ганни рванул машину с места, и вырулил в сторону моста.

– Может, и есть. Я-то ожидал найти в броневике кучу денег.

– Это я понял, – усмехнувшись, ответил Мэтью.

– Ну. А тут хрен знает что. Может эта хрень вообще ценности не представляет. Точнее представляет ценность для какого-нибудь толстосума. Может это трусы его любимой бабушки.

– Тогда уж панталоны! – Ганни заржал. – Что ты предлагаешь?

– Выкинуть его на хер, – серьезно заявил Хант. – Прикинь, что с нами будет, если какой-то хрен при бабосах узнает, что мы сперли панталоны его любимой бабушки? Он нам глаза на жопу натянет.

– Ну... Логика есть. А вдруг там камни? Такие, со слоновье яйцо размером. Нет?

– Ты – аферист, – хмуро ответил Хант. – Гребанный. Ты собираешься нас втравить в авантюру. Нет? А мне, может, нужна медицинская помощь

– Ой, да ладно! К утру пройдет. Первый раз, что ли, резинкой из гандономета прилетело?

– Гандономет гандономету рознь. Тут, мать его, десятый калибр.

– Ни хрена с тобой не станет! Мы еще не выкарабкались из твоего крутого замеса! От молодчиков оторвались, но Макс вряд ли забудет твое сегодняшнее выступление. Так что если кто и аферист, так это ты.

– Иди в жопу. Стремная тема. Были в фургоне бабки, или слитки с золотом, было бы чики-пуки. А так... Смотри, мы и так при бабках теперь, если от Макса успеем слинять.

– Ну, а когда кончатся эти бабки? Опять бои без правил, гонки, покер? Мне надоело надеяться на удачу, дружище. В контейнере, наверняка, что-то ценное. Даже если панталоны любимой бабушки! Раз они дороги богатому внуку, тот выложит не слабый выкуп, чтобы мы их вернули. Другие вещи в броневиках с такой охраной не возят.

– Ну... Да. Но тоже надо будет повертеться, как вшам на гребешке.

– А то мы когда-то иначе жили. Куда ехать?

– Ко мне домой! – уверенно заявил Хант.

– Херова идея. Ребята Макса нас уже там ждут, наверняка.

– Нет, – уверенно заявил Уолтер. – Макс сам не дурак, и меня дураком не считает. Он уверен, что мы с тобой уже на полпути в Мексику или Канаду. К тебе соваться нельзя, там же, как обычно, бильдяжек полон дом.

– Не полон, а две всего. Блондинки.

– Это палево. И соседей у тебя до фига.

– Не, погоди, – Ганни задумался, продолжая вести машину. – Надо валить из города. На хер тебе домой? Смокинги твои забрать? Нет, слишком опасно. У меня есть баба знакомая в Бранчберге. Она наркоша конченная, за бабки сделает что угодно, и палить нас не будет. Будем там как у себя дома, пока пойдем куда двигать, пока билеты купим.

– Наркоша? Не доверяю я таким. Есть опыт.

– Ой, знаю я про твой опыт.

– Откуда?

– Ну, рассказывали общие знакомые, – уклончиво ответил Ганни. – Слушай, что ты паришься? Мне вообще по фигу, что до нашего знакомства ты варил наркоту.

– Не просто варил, а создавал новые, уникальные, препараты!

– Да я тебя умоляю, – Ганни рассмеялся. – Сейчас не время одиночек. Сейчас корпорации придумывают новые препараты, и продают их в Нидерландах.

– Поэтому и пришлось завязать, – пробурчал Уолтер.

– И хорошо. Наркота – грязный бизнес. Калечит судьбы, и все такое. Я сам это говно не жрал, и никому не советую.

– Твоя подруга не очень к твоим советам прислушивается. Ну, ладно, хрен с тобой. Годится. Поехали к твоей наркоше. Хоть узнаю, чисто из научного любопытства, чем сейчас народ двигается.

– Производством голландских кофе-баров, могу сразу сказать.

– Скучно, – прокомментировал Хант. – Преступный мир уже явно не тот.

Мэтью усмехнулся, перестроился в правый ряд, вывернул на нужную улицу и поддал газу.

Через час, перекусив по дороге, они были на месте. «Знакомая баба» жила в двухэтажном домике, обнесенном невысоким забором. Судя по запущенности газона, в самом доме тоже порядком, скорее всего, не пахло. Окна были темными, без малейшего намека на признаки жизни внутри.

– А у нее хахаля никакого нет? – усомнился Хант, не спеша вылезать из машины. – Или, может, у нее притон на дому. У меня рука, так что боец из меня сегодня никакой.

– Ладно, я понял. – Ганнибал открыл дверцу. – Пойду, проверю.

Он направился к дому, а Уолтер, размяв пальцы, привел в боеспособное состояние штурмовую винтовку, чтобы прикрыть друга, если что. Прошла пара минут. Ни звука. Забеспокоившись, Хант набрал номер Мэтью. В трубке слышались длинные гудки, но никто не ответил. Уолтер убрал телефон от уха и прислушался. Из дома отчетливо слышался знакомый рингтон.

– Херово... – вслух произнес Хант.

Конечно, можно было сесть за руль, и дать деру. Почему нет? Деньги в машине, контейнер в машине. Оружия до фига. Да и рука уже полит не так сильно.

Контейнер, теперь уже ясное дело, лучше слить в ближайший кювет. Но Уолтер давно усвоил одно правило – жизнь с тобой обращается, обычно, точно так же, как ты обращаешься с другими. И если он сейчас бросит Ганни, своего лучшего друга, то ему это даром не пройдет. Как азартный игрок, Хант был склонен к суевериям, приметам и к вере в некую высшую справедливость, которая всем воздает по делам его. Он вздохнул, сунул завернутые в куртку деньги под сиденье, взял винтовку, запер машину и направился к дому. Контейнер он тоже прихватил, подозревая, что тот станет главным козырем в предстоящих переговорах.

Перешагнув порог, Хант оказался в темном холле, и тут же услышал недвусмысленный щелчок у левого виска. Так может щелкать только взводимый курок пистолета.

– Винтовку мне! – приказал мужской голос с очень заметным японским акцентом.

Сопrotивляться в такой ситуации было бы не очень умно. Хант выполнил требование.

– Контейнер! – донесся менее басовитый голос с другой стороны.

Со вздохом Уолтер отдал и его.

«Хорошо, хоть деньги не взял», – подумал он.

– Вперед! – приказали слева. – Осторожно, лестница.

– Э, погодите! – Хант решил, что самое время начать переговоры. – Пушка у вас, хабар у вас. Что еще надо? Мы на броневик ваш не нападали, это ребята Макса в него впилились. А после аварии мы просто забрали эту хреновину. Теперь вернули. Какие еще базары? Разбежались, и все дела!

– Вперед, – повторили слева таким тоном, словно Хант не вносил никаких дельных предложений.

Пришлось подчиниться.

Наверху было светлее – через окна пробивался свет уличных фонарей. Взору Ханта предстала небольшая комната, скорее всего спальня, обставленная только шкафом-купе, широкой кроватью, двумя тумбочками и трюмо для нанесения макияжа, у которого стоял пуфик. На кровати восседали два хмурых японца. Ничего общего с девицей, о которой рассказывал Ганни, эти хмыри не имели. Зато в руках они сжимали пистолеты-пулеметы «Ингрэм».

– Приехали, – только и сказал Хант, едва увидел верзил. – На хер мы взяли этот контейнер?

Ганни на корточках сидел в углу. Вид у него был виноватым до крайности, как у школьника, которого учительница застала в туалете за мастурбацией.

Один из конвоиров позади Ханта достал мобильник, набрал номер и громко заговорил по-японски. На слух Уолтера это звучало как собачий лай, или как то, что япошка только

и делал что кого-то приветствовал громким выкриком «Хай». Более образованный, в плане лингвистики, Ганни понимал, что это «да» по-японски.

Через минуту конвоир закончил разговор и сунул мобильник в карман.

– Едем к мистеру Таидо. – сообщил он своим, но по-английски. – Этих с собой.

– Машину в гараж загнать можно? – поинтересовался Ганнибал.

Самый здоровый из японцев, по всей видимости главный, изобразил на лице усиленную работу мыслительного аппарата, после чего коротко кивнул. Затем что-то приказал двум подчиненным по-японски. Те направились следом за Ганни.

Дергаться было бессмысленно, так что Мэтью не помышлял о побеге. Да и не мог бы он бежать, бросив Уолтера на произвол судьбы. Для него было важным просто загнать машину в гараж. Тачка приметная, тюнингованная, кому-нибудь могло прийти в голову ее угнать. Вместе с деньгами.

Покончив с этим под надзором двух конвоиров, Ганни присоединился к Уолтеру, которого вывели из дома.

– Баба у тебя, просто класс! – с сарказмом пробурчал Хант. – Интересно, господин Таидо, это, случайно, не Таидо Хокудо?

– Ну, ты загнул! – фыркнул Ганни. – Это уж было бы слишком.

К забору подкатило два полноприводных универсала «Субару» черного цвета. В один усадили Ханта, в другой Мэтью.

«По маячку вычислили, – подумал Уолтер перед тем, как машина тронулась. – Надо было сразу вскрыть контейнер, и посмотреть, что в нем. Судьба идиотов не любит. Как и жадин».

Глава 2

в которой Уолтеру Ханту и Ганнибалу Мэтью делают любопытное предложение, от которого они отказаться не в силах.

Когда Хант увидел, куда их привезли, он без затей присвистнул. И было с чего. Корпорация «ХОКУДО» входила в сотню самых мощных международных корпораций на Земле. Пленников попросили не дергаться, чтобы не вызывать ненужные эмоции у персонала. Но вообще дергаться в когтях Таидо Хокуда – надо быть конченным идиотом. В сопровождении четырех хмурых японцев друзья пересекли огромный вестибюль, и на лифте поднялись до одного из самых верхних этажей небоскреба.

Кабинет господина Хокудо был обставлен без излишеств, но стильно, как водится у японцев. Он был выполнен в черных и серых тонах, и имел огромные окна с жидкокристаллическими затворами, вместо штор. Когда пленников ввели в кабинет, затворы поглощали процентов тридцать проходящего через окна света, создавая мягкий полумрак.

Господин Хокудо сидел в массивном кожаном кресле за рабочим столом, большую часть которого занимали три внушительных монитора. Лицо его было худым, остро очерченным, как у самурая на японских гравюрах. Но одет он был по-европейски, в дорогой, но не броский, костюм.

Подняв глаза на вошедших, мистер Хокудо жестом велел конвоирам поставить контейнер на стол, и удалиться.

– Признаться, я удивлен, – произнес господин Хокудо вместо приветствия и знакомства. – Два идиота-америкашки умудрились добыть то, за чем мои шпионы гоняются уже третий месяц. Без всякого результата.

– Скорее, тут дело в удаче, чем в отсутствии умений у ваших шпионов, – подал голос Ганни.

«Уж помолчал бы... – подумал Хант с замиранием сердца. – А то опять огребем. С меня, по крайней мере, на сегодня достаточно».

– В удаче? – Хокудо широко улыбнулся, продемонстрировав безупречные, наверняка искусственные, зубы. – Вы так считаете?

– Думаю, да, – ответил Мэтью уже более серьезным тоном.

– Интересно. – Глава «ХОКУДО» смерил Мэтью заинтересованным взглядом. – Не хотите побеседовать на данную тему?

– Мы бы предпочли раскланяться, если можно, – честно ответил Уолтер за друга. – Мы на вас не нападали, контейнер отдали, никого не убили, не покалечили. Что-то не так?

– Я все же настою. – Голос Таидо остался спокойным, но сделался звонким, как сталь самурайского меча, когда его извлекают из ножен. – Присядьте, пожалуйста.

Он указал на подковообразный кожаный диван, расположенный точно напротив стола, у огромной фрамуги окна. Вид из него открывался завораживающий. Японец поднялся, и остановился у окна, за которым полыхало разноцветными огнями покрывало ночного Нью-Йорка.

– Сочное, аппетитное яблоко... – произнес Таидо. – Жаль, что насквозь червивое.

«Башка у тебя червивая, обезьяна ты узкоглазая, – со злостью подумал Хант. – Мало мы скинули на вас атомных бомб».

– Кстати, вы знаете, что символ компании «Эпл», надкусанное яблоко, одновременно является символом грехопадения? – Таидо вернулся за стол, а приятели предпочли занять место на указанном диване, чтобы не гневить раздражительного японца. – Господин Джобс,

по молодости, увлекался сатанизмом, как я выяснил. К примеру, его первые компьютеры продавались по цене ровно шестьсот шестьдесят шесть долларов. Без учета налогов. Я пользуюсь продукцией исключительно «Ай-Би-Эм». Принципиально.

– К нам это имеет какое-то отношение? – настороженно поинтересовался Мэтью.

– Игра – это грех, – без особых эмоций заявил Таидо и уселся в кресло. – А вы игроки. Так ведь? Бои, стритрейсинг...

В глазах Таидо сверкнул огонек страсти, словно это не глаза были, а активный элемент импульсного лазера.

– Что еще? – Японец не отводил взгляд.

– Классический покер, безусловно, – с некоторой гордостью добавил Ганни.

– Вот это уже теплее, – Таидо позволил себе улыбнуться. – Ближе к теме.

– К какой?

– К теме греха, мы же с этого начали нашу... эээ... философскую беседу. Знаете, я открою вам карты. Понимаете, когда мой человек позвонил мне и сообщил, что вы завладели контейнером китайцев, это меня озадачило. Мне захотелось выяснить, как вам, двум, извините, посредственностям, мнящим себя великими аферистами, удалось сделать то, что не по силам даже... Ну, скажем, моему сыну. Он руководил операцией по добыче контейнера, если вам интересно. И я пришел к выводу, что ни одно из ваших реальных умений не могло привести к подобному результату. Из вас грабители, простите, как из собачьего дерьма катана.

Заметно было, что он ожидал какой-то реакции на свою шутку. Но Ганни уже врубил на полную мощность то, что называл «покерным режимом», а на деле это был полный и безупречный контроль собственных состояний. И хотя многим этого было не понять, но именно через контроль собственных состояний он умудрялся контролировать чужие. Удалось это ему и сейчас. Погасив собственные эмоции, он вызвал эмоцию у мистера Хокудо. В виде легкого, едва заметного огорчения.

– Понимаете, вы к удаче относитесь как к стихии, – продолжил японец. – Ну, подул ветер в парус – хорошо. Не подул – плохо. Но у нас на Востоке иначе думают.

– А как, можно узнать? – полюбопытствовал Ганни.

«Нашел время повышать эрудицию!» – подумал про приятеля Хант.

– Вот вы считаете, что удача – это нечто вроде черных и белых полос, через которые человек проходит как бы поперек, – охотно пояснил Таидо. – А мы считаем, что человек движется по широкой белой полосе, по краям которой две узких черных обочины. Когда у человека много энергии, он держится ближе к центру этой белой полосы, и ему сопутствует удача. А когда энергия иссякает, человек скатывается на черную обочину и ковыляет по ней, пока не раздобудет очередную порцию энергии.

– Под энергией что подразумевается? – уточнил Ганни.

– Энергия Ки. Примерно то же, что Сила, у вашего Лукаса.

– А, понятно, – в глазах Мэтью мелькнула тень ироничной улыбки.

– Не верите в такие вещи? – сощурился Таидо.

– Признаться, не очень.

– Ну, это ваше право. А вот я верю. Я считаю, что каждый человек от рождения обладает неким пассионарным посылом, некой порцией энергии, которая определяет степень его удачливости. Это сумма энергии родителей, как я думаю. Боле того, за время своей сознательной жизни человек может либо нарабатывать энергию, увеличивая ее количество, либо терять. Вместе с этим увеличивается или теряется его удачливость. И знаете... В юности я разделял вашу иронию по этому поводу. В Японии тогда были очень прозападные настроения... В общем я, пользуясь некоторой финансовой свободой, провел ряд экспериментов. На людях, да, вы не ошиблись. Я усаживал людей играть в кости, в рулетку, в нечто такое, где удача проявляется особенно явно.

– Вот это уже действительно интересно. – Теперь голосе Мэтью не слышалось и тени иронии.

– Так вот. Я выяснил, что разные люди действительно имеют разную долю удачливости. Если бы, к примеру, все дело было в банальной статистике, то не было бы откровенных везунчиков и неудачников. Но я пошел дальше и обратил внимание, что в процессе игры удача всегда вырабатывается. То есть, чем больше и ярче человеку везет, тем скорее ему надо хватать деньги и бежать от игрового стола. Его удача кончается, как кончается заряд в батарейке.

– И вы нашли, чем его восполнить? – Ганни едва не забыл где находится, так его заинтересовала эта тема.

Хант глянул на него удивленно. Но Мэтью не обратил на это внимания.

– К сожалению, нет, – разочаровал его японец. – Я только понял, что энергия, которую мы на Востоке понимаем исключительно в метафизическом смысле, имеет и некоторое материальное проявление. К примеру, известно, что алкоголь содержит много химической энергии. И так же мне удалось зафиксировать численно, что удачливость выпивших людей ощутимо повышается. Или взять еду. Она тоже несет в себе химическую энергию. И я точно, документировано, доказал, что у сытого человека шансов за игровым столом намного больше, чем у голодного.

– Может сытый думает лучше? – высказал подозрение Мэтью.

– Мы говорим о костях и рулетке, а не о покере, – напомнил Таидо.

– Тогда да...

Хант обратил внимание, что Мэтью так увлекся теорией удачливости, что вообще забыл, с кем говорит. В этом был весь Ганни – игрок до мозга костей.

– В какой-то момент я даже пытался разработать нечто вроде пилюль для повышения удачливости путем химической раскрутки организма, – неожиданно выдал японец. – Но... Потерпел фиаско. Одной химии в этом мало, и древние мудрецы Востока не даром воспринимали энергию в метафизическом плане. Но что такое метафизика? Это завтрашняя физика, чаще всего. Просто то, чего ни мы, ни наши приборы пока не воспринимают. Но придумают новые приборы, и горизонты мира расширятся. Но я не намерен этого ждать. Я решил пойти кардинально другим путем.

– Очень интересно, – кивнул Мэтью. – Каким?

– Я решил создать некое... эээ... подразделение из везунчиков. Отобрав их чисто статистически.

Ганни крикнул от удивления. Даже Хант, который не питал никаких положительных чувств к японцу, заинтересовался. Такого ему еще слышать не приходилось.

– И как? – осторожно спросил Мэтью.

– Мне это удалось, – обыденным тоном сообщил Таидо. – А вы ожидали чего-то иного от человека, владеющего достаточно мощной корпорацией? У меня была возможность устроить отбор... эээ... скорее даже селекцию, из такого числа людей, какого вы не видели даже на переполненных народами улицах Нью-Йорка. Я не стал создавать везунчиков. Я не знал, как это сделать. Но мне оно и не потребовалось. Я просто отобрал самых везучих из них и сформировал особое подразделение. Нечто вроде курьерской службы.

– Понятно, – интерес Ганни моментально угас. – И вы хотите нас в эту службу пригласить? Спасибо, мы не ищем работу, мистер Таидо. Было приятно побеседовать на философские темы.

– Нет, – в глазах Таидо снова едва заметно блеснула сталь. – Я не собираюсь вас нанимать. Я собираюсь воспользоваться вашими услугами, так как трое из моих самых везучих везунчиков пропали во время проведения очередной операции. Мне бы хотелось их отыскать. А еще больше мне бы хотелось вернуть то, что они должны были мне доставить. А еще больше я хочу понять, что с ними произошло.

Ганни с Хантом переглянулись.

– И при чем тут мы? – напрямую спросил Уолтер.

От того, что начал рассказывать Таидо, оба рта раскрыли. Еще бы немного, им бы пришлось домкраты под подбородки ставить, чтобы впоследствии вернуть челюсть на место. Оказалось, что в структуре «ХОКУДО» существовала курьерская служба, вполне официально, как это практикуется во всех крупных компаниях. Но, в отличие от других, Таидо Хокудо сформировал в составе курьерской группы нечто вроде специального подразделения для выполнения задач особой сложности. Задач, требующих, без преувеличения, особого везения. Причем набирались люди в эту команду исключительно по факту, что называется. Каждому претенденту приходилось пройти ряд тестов, которые показывали их удачливость. Отобранные в первом круге проходили во второй, и так далее, пока мистер Таидо не оказался удовлетворен, как самим результатом, так и степенью его повторяемости.

Не менее интересным оказалось и как «ХОКУДО» использовала столь необычных сотрудников. Когда груз, доставляемый с помощью курьеров, представлял особую ценность, его перемещение разбивали на отрезки, исходя из теории об истощении удачи в процессе игры. Если раньше курьер, перевозящий ценный груз, блистал удачей в начале пути, а в конце его удачливость истощалась, и он мог стать жертвой неприятной, а то и опасной случайности, то в своих дальнейших изысканиях Таидо Хокудо пресек такую возможность в корне. Он приказал разработать особую систему создания и поиска тайников, в которые один курьер, уже немного исчерпавший удачливость, прятал груз, а другой, свежий, его там находил и перемещал до следующего тайника, где его снова сменял свежий везунчик.

В самом начале разработки системы, предполагалось, что курьеры без затей будут передавать посылку друг другу, как рабочие передают кирпичи при разгрузке. Только в более растянутом по расстоянию варианте. Но на практике этот метод себя не оправдал. Проблема оказалась в том, что никак нельзя было проверить, в каком состоянии в дело вступает каждый последующий курьер. Прожитый день отнимал у человека ту или иную долю удачи, и сколько ее у курьера осталось, узнать можно было только на практике. И Таидо Хокудо разработал очень простой, но вместе с тем очень эффективный способ.

Первый курьер прятал посылку в тайник, придуманный таким образом, что найти его можно только при помощи удачливости и никак иначе. Ни умом, ни внимательностью найти посылку было в принципе невозможно. И если второй курьер ее находил, значит, с его удачливостью все было в порядке, и он доставлял ее до следующего тайника, где снова прятал таким же образом, и так по цепочке до нужного места.

– Вы не представляете, каких успехов мы в этом добились! – с гордостью, но без тени хвастовства сообщил Таидо. – Наши курьеры протаскивали оружие на борт самолетов, и предметы искусства через бдительных таможенников. Причем на одном слепом случае. Где-то сканнер металла давал сбой, где-то ошибалась поисковая собака, где-то случался пожар, где-то отменяли рейсы из-за непогоды, и пограничники не могли справиться с образовавшимся потоком. Но, так или иначе, посылки всегда доставлялись. До последнего случая. Когда я не дождался ни посылки, ни трех курьеров. Что стало с грузом и людьми, я не имею понятия.

– Все же не понимаю, причем тут мы, – признался Ганни. – То, что нам удалось случайно добыть контейнер, за которым вы гонялись, не делает нас везунчиками того типа, какой вы описали. Мне случалось и проигрывать, причем много раз. Вы же ведете речь об устойчивом, не дающем сбоев, исправно повторяющемся качестве.

– Безусловно, – согласился японец. – Если бы вы были везунчиком нужного типа, вы были бы в штате моей компании. Поверьте, я умею делать предложения, от которых невозможно отказаться. Причем часто по целому ряду причин. В вашем случае мне нужно другое. Понимаете, мой метод дал сбой. И... Ладно, начистоту, так на чистоту... В общем, я послал

поисковую группу по следам пропавших курьеров. Все члены группы – патологические везунчики. И они...

– Тоже пропали? – догадался Хант.

– Нет. – Таидо вздохнул. – Они просто не нашли ни одного тайника. Вообще не одного.

– А может, их и не успели устроить, эти тайники? – предположил Мэтью.

– Успели. Потому что два курьера сообщили мне об успешном выполнении задания. Следовательно, существует минимум два тайника. Может и три. В этом случае в третьем лежит нужный мне предмет.

– Забавно... – протянул Ганни.

– Вы так считаете? – напрягся японец.

– Нет, не в том смысле, – поспешил поправиться Мэтью. – Я просто пытаюсь представить, как это происходило... Ну, в общем, запутанное дельце!

– Верно подмечено, – выдавил из себя Таидо. – Но мне от этого не легче. Во-первых, пропал важный груз. Во-вторых, пропали люди, в которых вложены очень большие деньги. В-третьих, что-то не так с самой теорией, и мне необходимо знать, что именно. Я готов предложить каждому из вас по... Ну, скажем, по три миллиона долларов за участие в этом проекте.

«Он запинается, когда нервничает! – констатировал привычный к покеру Ганни.

Сумма, озвученная японцем, дошла до его сознания только через секунду глубокой непроницаемой тишины. И мысли тут же остановились, словно их залили быстротвердеющим японским бетоном.

– Сколько? – моментально севшим голосом переспросил Уолтер.

– По три миллиона, – спокойно сообщил Таидо. – За согласие. И еще по три за успешное выполнение задачи. Если вы задачу не выполните, ваши три миллиона останутся при вас, и я не буду иметь к вам ни малейших претензий.

От открывшихся жизненных перспектив у Ханта голова пошла кругом. Но привычка контролировать эмоции за игровым столом, присущая и ему, не позволила вскочить с дивана, запрыгать на одной ноге и заорать, мол, да, да, мы согласны. Вместо этого он глянул на Ганни.

Но тот контролировал себя идеально. Не было ни единого признака, что он взволнован.

– Нам нужно подумать. Посоветаться, – произнес Мэтью.

– Вот как? – в голосе японца снова послышался отзвук отточенной стали.

У Ханта душа ушла в пятки.

«Если загубишь это дело, я тебя придушу!» – мысленно пообещал он другу.

– Вообще-то нет, – поспешил изменить свое мнение Ганни. – Мы согласны. Надо быть дураками, чтобы отвергнуть такое предложение. Я имел ввиду, что нам нужно осмыслить и обсудить подробности. Так, Уолтер?

– Да, конечно! – Хант с радостью уцепился за воображаемый спасательный круг, брошенный приятелем.

– Хорошо. – мистер Таидо улыбнулся. – Я прикажу отвезти вас, куда пожелаете. Приведете себя в порядок. Если нужен врач, я обеспечу. А то у мистера Ханта на лице следы трудных денег. Да и рука... Или я ошибаюсь?

– Тоже следы трудных денег, – пробурчал Хант.

– Приняв мое предложение, вы избавитесь от подобных проблем. А завтра хочу пригласить вас на обед, во время которого и обсудим подробности. Как вам такое предложение?

– Принимается, – Мэтью на этот раз решил не играть с огнем.

– Тогда поступим вот как, – продолжил Таидо. – Я приставлю к вам Ичина. Одного из лучших моих людей. Надеюсь, вы подружитесь.

– А нужно? – уточнил Ганни.

– Да. Потому что Ичин будет сопровождать вас на всем пути по мере выполнения задания.

– Он тоже из везунчиков?

– К сожалению, нет. Поэтому в поиске тайников он участвовать не будет. Он будет выполнять функции шофера, пилота, если потребуется, а так же представлять мои и ваши интересы во всех точках вашего пребывания. Не зависимо от стран, континентов, и прочего.

– А почему одного из везунчиков нам не выдать? – осторожно поинтересовался Хант.

– На то есть три причины, – охотно ответил японец. – Первая состоит в том, что везунчиков я уже отправлял. И это ни к чему не привело. Вторая – пока не разберусь с причинами произошедшего, я вообще не склонен пускать в ход это подразделение.

– А в-третьих? – Уолтер заподозрил, что напоследок хитрый япошка приберег самое главное.

И не ошибся.

– В третьих, – вы не совсем представляете, что именно сделали, и почему я на это задание выбрал именно вас, а не нанял любых хорошо подготовленных специалистов, к примеру, из бывших военных.

– Очень интересно... – Хант ощутил, как холодок пробежал по спине.

– На самом деле, – пояснил японец. – Я, некоторое время назад, заинтересовался одним редким природным явлением. О нем мало кто знает. Вообще мало кто. Оно не описано ни в каких старинных книгах, и еще лет пять назад не было о нем вообще ни единого упоминания. Из этого я сделал вывод, что явление это новое, и вызвано оно, скорее всего, вмешательством человека. Впрочем, причины не так важны. Важен результат.

– Что за явление? – у Ганни загорелись глаза от нового приступа любопытства.

– Аномалия. В прямом смысле слова. Вы смотрели кинофильм «Мартица» братьев Вачовски?

– Конечно, – интерес в глазах Ганнибала угас так же стремительно, как при упоминании произведения Лукаса.

– Представьте, как бы выглядел сбой в системе?

– Так это же было в фильме! – включился в разговор Хант. – Черная кошка два раза прошла. Стены замуровались. А еще, напрямую переписывая компьютерный код, эти чуваки себе могли сделать любое оружие...

– Все верно, – остановил его Хокудо. – Но это мелочи.

– Мелочи? – поразился Мэтью. – Что же тогда для вас весомо?

– Полное нарушение физических законов, например, – спокойно ответил японец. – Нарушение гравитации, твердости материи, хода времени.

– Вы хотите сказать, что это возможно?

– Да. И у меня этому есть доказательство. Точнее оно у меня было. Но при транспортировке одного из добытых предметов, носивших на себе следы воздействия аномалии, как раз и произошел тот случай с моими курьерами, о котором я вам рассказал.

– Стоп-стоп! – Ганни подался вперед. – Вы хотите сказать, что аномальный предмет, прямо во время перевозки, оказал воздействие на ваших везунчиков и отнял у них энергию?

– Может, отнял, может, перенаправил, – мистер Хокудо развел руками. – У меня мало данных для выводов.

– Чистая теория, – пожал плечами Уолтер. – Основанная на домыслах.

– Я бы не стал отнимать у вас время, если бы это было так, – ответил господин Хокудо, чуть поджав нижнюю губу. – И свое бы тратить не стал.

– То есть, у вас есть доказательства? – осторожно спросил Ганни.

– Были, да сплыли, – Хант не стал скрывать иронию. – Пропали вместе с курьерами-везунчиками.

Но Ганни иронизировать не стал. Он вдруг понял, что своими репликами Хант сам себя насаживает на воображаемый крючок, а мистер Хокудо терпеливо ждет, когда тот насадится

поглубже. Интуиция покерного мастера подсказывала Ганнибалу, что у японца есть козырь на руках, да и не просто козырь, а полная комбинация «флэш рояль».

– Вернемся к вам. – Таидо перебил Ханта. – Я начал объяснять, почему выбрал именно вас. Тут есть два аспекта. Во-первых, благодаря совершенно слепой удаче вы добыли важную для меня вещь, которую никто из моих людей добыть не смог. Во-вторых, эта вещь связана с аномалией, и, при этом, она вашу удачу не ослабила. И в-третьих, вы, по сути, сплели две шелковых нити в один шнур. Вы сегодня свели в одной точке мои изыскания в области удачливости, и мои изыскания в области аномального явления. Это и решило выбор в пользу ваших кандидатур.

– Что это значит? – Хант сощурился.

– Это значит, что китайцы так же завладели одним из предметов, оставшихся на месте бушевавшей аномалии. – ответил Таидо. – Я его безуспешно пытался добыть. А вы добыли, не приложив к этому никаких усилий.

– Что это за предмет? – Ганни привстал.

– Я вам его покажу. По случаю заключения сегодняшнего соглашения.

Мистер Хокудо достал магнитный ключ и открыл замок контейнера. Друзья в нетерпении замерли, ожидая, когда он поднимет крышку. Но когда он ее открыл, они оба крикнули от неожиданности. Внутри, в зажиме из никеля, покоилась самая обыкновенная столовая ложка. Да еще и гнутая, словно по ней целый день гоняли груженые трейлеры.

Хант чуть не выкрикнул, мол, вы смеетесь. Но сдержался. Ганни отреагировал спокойно, но видно было, что он тоже ждет объяснений.

– Эта ложка была в доме, когда на него обрушилась аномалия. Еще в этом доме находился отец семейства, его жена и две дочери. Младшей двенадцать лет. Там мало что осталось. Практически ничего. Я сам не был на месте, но читал отчет представителя китайской спецслужбы.

– Это самая обычная гнутая ложка, – уверенно заявил Хант, не скрывая разочарования.

Вместо ответа мистер Хокудо отпустил зажим, вынул из него ложку и показал ее друзьям с тем же видом, с каким фокусник показывает на сцене свой реквизит, чтобы убедить зрителей в его тривиальности. Потом он разжал пальцы и убрал руку, а ложка осталась висеть в воздухе. Без опоры. Неподвижно. Сама по себе.

У Ганни и Уолтера отвисли челюсти. Чего угодно они ожидали, но только не столь поразительных свойств от столь обычного, на вид предмета.

– Можно потрогать? – спросил Ганнибал.

– Окажите любезность! – Японец сделал приглашающий жест.

Мэтью встал, взял ложку прямо из воздуха, повертел перед носом, отпустил, и та снова неподвижно зависла, словно приклеилась к координате в трехмерном пространстве.

– Этого быть не может, – уверенно заявил Хант. – Вы нам как-то ввели галлюциноген.

– Нет, конечно. – Мистер Хокадо улыбнулся. – Зато вы теперь в полной мере понимаете, почему я, в качестве примера, привел именно фильм «Матрица». А в «Матрице» положены чудеса. Вы ведь повздорили с неким Максом, насколько я знаю?

– Ну, было дело, – признался Хант.

– Да, было, – с улыбкой заметил Таидо. – Можете про него забыть.

Глава 3

в которой Уолтер Хант и Ганнибал Мэтью познают суть восточного эротического массажа и весело проводят время.

Ганнибал и Уолтер покинули кабинет главы «ХОКУДО» под впечатлением от увиденного. За дверями их ждал новый напарник по имени Ичин. Это был лысый японец, огромный, как борец сумо, но, в отличие от представителей этого боевого искусства, в нем не было ни капли жира. Казалось, он состоит из одних только костей, мускулов и сухожилий, что не мог скрыть даже строгий черный костюм-двойка, надетый поверх белоснежной сорочки. По прикидкам Ханта росту в нем было полных шесть с половиной футов, что до крайности не характерно для азиатов вообще, и для японцев в частности. Весу же в нем было фунтов триста, или примерно сто пятьдесят килограммов на европейский манер. Узкие глаза Ичин прятал за абсолютно круглыми черными очками, а вместо пуговиц на рукавах сорочки у него поблескивали классические запонки, возможно с бриллиантами. А вот галстуком он пренебрегал, держа сорочку расстегнутой на две пуговицы. Уолтер предположил, что просто не нашлось галстука, способного хоть один раз обернуть шею такой толщины. Ну, не вешать же вместо галстука буксировочный трос, в самом деле, или стропу от грузового парашюта!

Для своих габаритов вел Ичин себя удивительно добродушно – улыбался во весь рот, демонстрируя полный набор золотых зубов, инкрустированных крошечными алмазами.

– Я Ичин, – сообщил здоровяк американцам, едва они оказались у лифта за пределами кабинета главы корпорации.

– Это мы уже знаем, – сообщил Ганни. – Меня зовут мистер Мэтью, а моего друга мистер Хант.

– Очень рад!

Акцент у Ичина был не столько ужасный, сколько забавный, так в фильмах говорят штампованные Голливудом япошки. Но с английским он был явно в ладах, все понимал и в значении слов не путался.

– Мы тоже, – с изрядной долей иронии ответил Хант.

– Мне приказано исполнять все ваши желания, – сообщил Ичин. – Это как в арабских сказках есть такой дух.

– Джинн, – подсказал Ганни.

– Да. – Японец снова улыбнулся. – Только у джинна магическое умение, а мне позволено использовать в целях проведения операции любые корпоративные ресурсы.

Хант украдкой глянул на приятеля. У того в глазах, как и ожидалось, плясали веселые чертики. Похоже, он уже строил планы, на что и как стоит развести одну из мощнейших в Азии корпораций.

– Выходит, операция уже началась? – уточнил Мэтью.

– В тестовом режиме! – весело ответил Ичин.

Ганни воспринял это как намек на полный карт-бланш в его планах на эту ночь. Похоже, мистер Хокудо был совсем не идиотом, и знал, как компенсировать двум американцам пережитую нервотрепку. Понятно, что врача он предложил из вежливости. Идиоты не зарабатывают миллиарды. А только идиот мог подумать, что Ганни и Ханту до завтрашнего обеда потребуется доктор. Вот потом, наверняка. Специалист по похмелью.

– Думаю, сразу в «Луну», – прикинул Ганни. – Необходимо промыть вои раны спиртом, как думаешь, старик?

– Просто жизненно необходимо, – кивнул Уолтер.

– А не хотите сначала отмыться и сменить одежду? – вежливо спросил Ичин.

– В смысле? – не понял Ганни.

– Ну, у вас одежда в крови... И наверное вас немного по полу поваляли.

– Заметно? – Хант вздернул бровь.

– В принципе, да. – Ичин пожал огромными плечами. – Так вот, я могу предложить вам закрытую японскую баню. Очень хорошую. Она не принадлежит «ХОКУДО», но многие из высокопоставленных...

– Так, я, кажется, врубаюсь! – Ганни повеселел. – Ичин, ты кажешься мне вполне подходящим кандидатом в нашу компанию.

– Очень рад, сэр! – Японец шутливо вытянулся по струнке.

Подъехал лифт, стремительно понесший троицу к подножию небоскреба.

– Никаких сэров! – Ганни погрозил пальцем. – На равных, дружище.

– Дружище?

– Это обращение. Вроде как «чувак», только попримичнее.

– Годится! – Ичин жестом показал «о'кей».

Хант не разделял воодушевления друга по поводу приставленного к ним японца. Но виду показывать не стал. Зная Мэтью, он подозревал, что тот уже затеял какую-то свою игру, правила которой объяснит при возможности.

Внизу троицу ждал настоящий «Хаммер H1», прошедший в свое время «Бурю в пустыне». Таких теперь днем с огнем не сыскать. Раритет. Что-то в этом роде Хант и ожидал увидеть в качестве приписанного к ним транспортного средства.

Ичин взгромоздился за руль, заняв явно нестандартное сиденье, тюнингованное специально под его габариты. Места впереди фактически не осталось, поэтому Мэтью с Уолтером забрались в задний десантный отсек, где сиденья располагались вдоль, а не поперек машины, как в настоящем бронетранспортере.

– Бронированная, небось? – спросил Мэтью.

– Из танка не прошибешь! – серьезно заявил Ичин. – И на «гибриде» тянет так, что будь здоров. Электромоторам без разницы. Сколько набьешь в них току, столько они и крутят. А генератор мощный. Будь здоров, как говорят.

Внедорожник легко тронулся с места и бесшумно покатил по Манхэттену. Огни рекламы, ярко освещенные витрины, отдыхающие туристы на улицах. И три миллиона долларов на счету. Что может сильнее поднять настроение человеку, воспитанному в духе американской мечты? Хант расслабленно откинулся на спинку сиденья, и наслаждался моментом. Конечно, все это веселье и дикие бабки просто так не достаются. За них придется поскакать и попотеть, это уж точно, как выпить дать. Но сейчас думать об этом не хотелось. Это будет позже. Завтра, может послезавтра. Не важно. Главное, что не в эту ночь. Ганни, сидящий напортив, выразительно подмигнул приятелю. Дело, которое они заварили с Максом, грозившее самым худшим, то есть, смертью, неожиданно приняло совсем другой оборот.

Уолтер задумался, а не причиной ли тому привлечение к делу Ганни? Нет, конечно, Хант не верил в мистику, и прекрасно понимал, что Мэтью не был доставлен младенцем с планеты Криптон. Но что-то в Ганни было всегда. Какая-то тайна, связанная с везением. Он и игроком стал из-за этого не в последнюю очередь. Все друзья, да и сам Хант, сто раз поражались удачливости Ганни, порой переходящей всякие границы. Может Таидо прав? Может есть нечто в человеке, какой-то орган, поля, частицы, формирующие удачу? Ведь что такое удача, по сути? Прохождение некой точки бифуркации на событийном уровне. Точки, после которой события могут развиваться так или эдак. И неудачник проходит такие важные пункты как бы со знаком минус, то есть, в невыгодную для себя сторону, а везунчик, наоборот, со знаком плюс, в ту сторону, где его ждут новые и новые удачи.

Хант никогда не интересовался физикой вообще, и квантовой в частности, но в каком-то научно-популярном фильме, из тех, какие крутят по каналу «Дискавери», он слышал, что частицы могут очень похожим образом менять свои состояния. Все там очень запутанно, и Уолтер даже пытаться бы не стал разобраться в этом. Но если люди состоят из частиц, а это, безусловно, так и есть, то не могут ли они при каких-то условиях наследовать их странные свойства?

Нет, ну совсем в фантастику вряд ли стоит вдаваться, но в том, что Ганни везунчик – сомнений не было. До его вмешательства в это дело все шло как нельзя хуже и радужных перспектив не предвещало. Но вот появляется Мэтью, и, поначалу вздернув брови от удивления, говорит: «Да какие дела, дружище! Провернем!». И провернули. Нет, не просто провернули, а вписались в дело куда более выгодное. Если бы это раз или два было, так то ладно. Случайность. Но сколько Уолтер знал Ганни, за ним водилось такое.

Причем ведь как провернули... На чистой случайности, о которой вел речь Таидо, когда рассказывал о своих супер-курьерах. Убери этот фактор, и не Ичин бы сейчас их вез кутить корпоративные средства, а Макс, на городскую свалку, мертвыми и в багажнике. Это вот точно факт. Без всякой квантовой физики.

Так что в этой теории рациональное зерно было. Несомненно. Просто очень уж фантастично все это Таидо подал. И очень необычно использовал. Но три миллиона! Мама же дорогая! Отец, светлая ему память, в гробу перевернется, а зануда Голдберг проикается не на шутку. Нет, ну три миллиона...

На какое-то время мозг Ханта заклинило от этой цифры, и он просто повторял ее про себя раз за разом. Потом начались фантазии более бурные, а виды за окном их только подстегивали.

Наконец Ичин припарковал внедорожник возле здания, более всего похожего на ресторан. Скорее всего, оно рестораном и было, но поскольку надписи были только по-японски, знаками кандзё, то понять это было сложно. Скорее всего, бани были именно при ресторане. У этих азиатов все ведь не как у людей.

– Приехали, – сообщил Ичин очевидное. – Тут можно будет и перекусить.

– Сырыми осьминогами? – зачем-то решил съязвить Уолтер.

– А от чего это вы, сэр, не жрете сырых осьминогов? – неожиданно выпалил Ичин, после чего громко заржал. – Нет, тут есть даже ваши любимые гамбургеры, при желании. Но я бы все же рекомендовал вам...

– Наверное, сырых осьминогов? – решил поддержать шутку Ганни.

– Нет, я бы рекомендовал сашими с груди прекрасной девушки. А для гурманов, с лобка.

– Правда? – тут Мэтью стало не до шуток.

– Нет! – снова заржав, ответил Ичин. – Это можно кушать только японцам.

– Японским гражданам? – заразившись общим весельем, уточнил Уолтер. – Так я тогда уже бегу в посольство за вашим паспортом.

– Не получится, – с шутивным высокомерием провозгласил Ичин. – Японцем можно только родиться. Остальные все – гоядзины.

Он выразительно показал язык, как это делают дети, дразнясь в песочнице.

– А вам можно только либо просто сашими, либо просто прекрасных девушек, – добавил здоровяк.

– Кхе.. – Ганни почесал макушку. – Только одно?

– Только одно, – подтвердил Ичин.

– Нда... Трудный выбор, – в тон приятелю сказал Хант. – Но я, наверное...

– Сначала в баню! – решил вопрос японец. – Ваше время выбора истекло.

– Нет, вот так всегда! – пожаловался Мэтью. – На самом интересном месте!

– Терпение, сэры! – Ичин выбрался из машины. – Прошу за мной.

– Без сэров! – напомнил Ганни.

Они поднялись по деревянным ступеням и вошли в помещение, драпированное красным шелком. Ичин бывал тут, судя по всему, не редко, а потому уверенно повел американцев за собой.

Ничего более странного, чем японская баня, Ханту видеть не приходилось. Парилки, как в финской, там не было, а был только бассейн и самые настоящие дубовые бочки с водой.

Оказалось, что в такую бочку надо залезть, а потом постепенно добавлять горячей воды. Сначала очень горячо, потом тело привыкает, и еще добавляют кипяточка. И так, пока из ушей у самого пар не пойдет. Никакой парилки не надо.

Зато когда вылезаете – блаженство! И в бассейн с головой. Ну, как заново родился, честное слово. Ичин все это проделывал чинно, отдавая дань древним традициям, Хант с Мэтью дурачились. Но японец глядел на них, как на малых детей, не знающих кату – японских правил поведения. До пяти лет их не знают и японские дети, а потому им все позволено, хоть по столу ползать во время чайной церемонии. Наверное, ко всем гоядзинам, чужакам, японцы относились примерно как к детям. Только с большей, конечно, агрессивностью. Но убрать агрессию, на которую у Ичина и намека не было, так все сразу вставало на свои места. Мудрый наставник и два недоросля американца, каждому из которых уже почти по тридцать стукнуло.

– Теперь массаж, – прокомментировал Ичин, словно гид на экскурсии. – Это туда.

Он показал на одну из девяти одинаковых дверей в стене, расположенной вдоль бассейна.

Хант и Мэтью, продолжая дурачиться, двинулись в указанном направлении, но японец придержал Ганни за руку.

– А вам туда. – Он показал на другую дверь.

– То есть, в отдельные комнаты? – удивился Уолтер.

– Видимо, да, – признал очевидное Ганни.

Но расстраиваться по поводу раздельного времяпровождения им пришлось не долго.

Стоило Ханту закрыть за собой дверь обитой деревом комнаты, посреди которой располагалась низкая кушетка из тонких досок, как из другой, дальней двери, выпорхнула стройная японка лет восемнадцати на вид. Абсолютно голая. При этом держалась она с таким достоинством, словно была не в чем мать родила, а в дорогом вечернем платье, сшитом лично для нее господином Армани. Причем, собственноручно.

Впрочем, с учетом внешних данных азиатской красавицы, господин Армани несколько бы не обломался взяться за такую работу. Даже бесплатно.

– Господин... – произнесла девушка ангельским голосом.

– Хант... – подсказал опешивший американец, едва не забыв собственное имя. – Можно Уолтер. Как удобнее. Вам. Тебе, в смысле, как удобнее называть, так и называй.

– Хорошо, – пропела японка. – Давайте я помогу вам раздеться, господин Хант.

– А, что? Да, конечно...

То, что происходило дальше, можно было, конечно, назвать и массажем. То есть, массаж там тоже был. Просто он не ограничивался теми местами, какими в массаже ограничиваются американцы или европейцы. И еще от европейского массажа он отличался тем, что саму массажистку тоже можно было массировать, причем без ограничения допустимых зон. А зон там было... В общем-то, по количеству – как у всех. Но по качеству! Даже в пятнадцать лет, в самых бурных эротических фантазиях, ничего подобного Хант не выдумывал и выдумать бы не смог. А все его взрослые, как ему казалось, приключения с девицами, после этого массажа показались скучной и вполне невинной забавой с легким налетом эротики.

Тут же было совсем иначе. Так могло бы быть в раю, во сне, в кино тоже так, наверное, могло бы быть, если бы это вообще можно было показывать. Но в реальности...

По выходу из массажного кабинета Хант, уже без шуток, жалел, что не родился японцем. Ганни, судя по его ошарашенному виду, тоже. Ичин же, присвистывая, прикрыл за собой дверь

в комнату наслаждений, и, как ни в чем не бывало, с разбегу нырнул в бассейн, вызвав в нем нечто вроде цунами, перехлестнувшей через каменный бортик.

– Ну, как? – беззаботно спросил он, нарезая на спине круги по бассейну.

Мощности в нем было, как в спортивном катере для вейкбординга.

Отвечать не хотелось. Но вид американцев говорил за них больше, чем об этом было слов в английском языке.

– В общем, понравилось, – заключил японец. – Это хорошо. Я распорядился привезти вам другую одежду, взамен испорченной. Там будет несколько комплектов, на разные случаи. В общем, надо примерять, и если не подойдет, ее заменят. Потом пойдем ужинать.

– А массажа больше не будет? – напрямую спросил Хант.

– На сытый желудок? – поразился Ичин. – Прямо не знаю. Вы не торопите события, сэры. У меня есть идеи по поводу некой культурной программы в азиатском стиле...

– Мы «за»! – не сговариваясь выкрикнули приятели хором.

– За что?

– За твою программу. Мы доверяем тебе как гиду, – пояснил Ганни.

– Очень рад, – Ичин чуть поклонился, на японский манер. – Давайте, одежду примерьте.

В несколько комплектов, о которых упомянул Ичин, входили тропические шорты и рубашки с коротким рукавом, какие-то, идиотского вида, пальто, меховые шубы и шапки, ботинки, сандалии, тапочки, кепки, пробковые шлемы, очки от пыли, очки от солнца, очки от снега. В общем, примерка затянулась дольше, чем хотелось американцам. Они готовы были принять весь товар оптом, только бы не тратить время на это, но тут Ичин был неумолим.

– Неподходящий размер одежды или обуви может стоить жизни в том приключении, к которому мы готовимся, – тоном, не терпящим возражений, сообщил японец.

Это была единственная ложка дегтя на железнодорожную цистерну меда. Одна неприятность за всю последующую ночь.

Глава 4 в которой Уолтер Хант и Ганнибал Мэтью побивают мавров, и становятся свидетелями самурайской стойкости.

Утро выдалось прекрасным. Уолтер уснул рядом с такой женщиной, в существовании которой можно было бы вообще усомниться, если бы это рассказал кто-то, если бы это не было прочувствовано собственным телом. Проснулся, правда, в одиночестве, но это уже не имело значения.

– После такого и сдохнуть не страшно, – произнес Хант вслух на полном серьезе.

Услышав тяжелые шаги Ичина, Уолтер спешно натянул простыню до шеи.

– Слышу, сэры проснулись! – с забавным акцентом протяжно сказал японец. – Пора вставать. Птицы поют, солнце светит! Время за полдень. Скоро деловой обед. Хокудо-сан ждать не любит.

Пришлось собраться, умыться холодной водой и сбрызнуться одеколоном. Хант слышал, что от очень дорогого алкоголя не бывает похмелья, но чтобы вот так! Нет, ну в голове шумело, конечно, но сравнить это с тяжким бодуном после вечера в Монте-Карло, это все равно, что сравнить шутивную женскую пощечину с добрым ударом сапогом по яйцам.

Что самое приятное – помнилось все в подробностях, от начала вечеринки после примерки, до момента провала в сон на кровати фешенебельного отеля. Нет, ну конечно, виски стоимостью тысячу долларов за бутылку сильно отличается от виски стоимостью пятьдесят долларов за бутылку. Даже от виски стоимостью триста долларов за бутылку он отличался разительно.

Номер состоял из трех комнат, одна из которых, самая большая и круглая, выполняла функции гостиной. У Мэтью он был таким же, судя по всему, но Ичин предложил военный совет провести во владениях Ханта.

Ганни выглядел тоже свежо. Ичин выглядел как Ичин – легче перепрыгнуть, чем обойти. На его лице последствия вечеринки не отразились никак. Впрочем, оно и понятно, ему, с такой массой тела, надо выпить не меньше той бочки, в какой они парились, чтобы хоть немного дало по мозгам.

– Так, сэры, – начал инструктаж Ичин. – Мне велено ввести вас в общий курс дела. Чтобы во время обеда вы могли принять взвешенное решение.

– Нас точно убьют во время этой операции? – спросил Ганни. – Со стопроцентной вероятностью?

– Нет, – ответил японец.

– Тогда мы решение приняли. Вяжемся в игру.

– Это не игра, – вздохнул Ичин.

– А что? Приключение? Ну, приключение, дружище, это тоже игра. Особенно когда на кону три миллиона долларов.

Такие речи от друга Хант слышал впервые, а потому несколько озадачился. Игрок до мозга костей, Мэтью, всегда считал победу важнее выигрыша. А тут – на тебе. Три миллиона. Хотя, зная, насколько Мэтью силен в классическом покере, можно было сомневаться в его искренности. Он мог вести свою игру и ждал, когда их оставят одних, чтобы рассказать о задумках.

– Суть в том, что методика закладки тайников известна только курьерам, – начал рассказывать Ичин. – Разглашение этих данных строжайше запрещено.

– Хочешь сказать, что даже Хокудо-сан, не в курсе?

– Представьте себе, не в курсе. Это в его же интересах. Подобные сведения он может получить только по каналам связи. А он не доверяет никаким каналам связи. Даже корпоративным. Объявись в штате корпорации крыса, систему можно будет похоронить.

– Разумно, – согласился Ганни. – Но ведь методику разработали не курьеры.

– Конечно. Но методика – это только модель. О ней я вам расскажу, конечно. В деталях. Но сама методика ни в поиске тайников, ни в понимании ситуации, поверьте, вам не поможет. Потому что она содержит только ключи, концепции. Это чем-то похоже на популярные в Японии настольные ролевые игры. Слышали о таких?

– Краем уха, – слукавил Мэтью.

Хант сразу сообразил, что его приятель обладает куда большей информацией, чем хочет показать дружелюбному японцу. И хорошо.

– Там суть в том, – пояснил Ичин. – Что существуют определенные правила. Как считаются очки, как можно действовать, в каких рамках, а за какие нельзя выходить. Но сама игра представляет собой набор сюжетов, которые рождаются за игровым столом во время самой игры. Правила дают игре лишь направление развития. При этом каждая игра уникальна. Так и в системе, которую создал Хокудо-сан. Его сын владеет небольшой компанией, вроде издательства, основным направлением которой являются именно настольные ролевые игры. И именно он надоумил отца взять за основу такую систему. Благодаря общим правилам курьеры как бы говорят на одном языке, понимают, за какие рамки им нельзя выйти. Но при этом каждый тайник уникален, как уникальная любая игровая сессия в настольной ролевой игре.

– Забавно, – оценил Мэтью. – Мне нравится такой подход. Ну а ключи к тайникам?

– Ключей, как таковых нет. Руководствуясь правилами, курьеры создают тайники, чтобы найти их можно было в том и только в том случае, если удача, слепой случай, на твоей стороне. В противном случае не выйдет.

– Как-то не вяжется, – высказал сомнения Хант. – Если так, если все на случайностях, то и тайник, чисто статистически, можно обнаружить случайно.

– Это так только кажется, – покачал головой японец. – В этом и сила системы, что тайник нельзя найти случайно, и нельзя найти специально.

– Не понимаю, – признался Уолтер.

– Представьте себе цепь из ряда заданий. Ну, к примеру, в здании есть какое-то количество комнат. И вот вы, сэры, просто кидаете кости. Количество выброшенных очков – это номер комнаты, в которую вы входите после броска.

– Черт возьми! – не удержался Ганни от комментария. – Это же игра в чистом виде!

– Да, именно, – подтвердил Ичин. – И вот, если в нашем примере вы входите в третью комнату, то выигрываете первое звено цепи, если выкидываете любое другое число очков и входите в любую другую комнату, то отправляетесь по ложному пути и никогда уже не сможете добраться до тайника.

– Каждый дурак может выкинуть «тройку» случайно! – покачал головой Хант.

– Ну конечно! – Ичин широко улыбнулся. – Но в первой комнате снова кидаем кости. И у вас один верный шанс, остальные отправят по ложному пути. И если, к примеру, до тайника вам надо пройти через цепь комнат с номерами «три», «шесть», «четыре», «восемь» и «двенадцать», то это все меняет. В точности, именно в этой последовательности, пройдет ее, простите, не каждый дурак.

– Обалдеть, – Мэтью даже присвистнул. – И Хокудо-сан хочет, что бы я... Чтобы мы... Прodelали нечто вроде такого пути?

– Именно. Вы должны будете, зная основные правила организации и поиска тайников, пройти путем передаваемого предмета от одного тайника к другому. Ваша задача – найти сам

предмет, если он еще в тайнике. Вторая задача, попытаться понять, что случилось или могло случиться с курьерами, путь которых вы будете проходить.

– Интересная задача, – задумчиво произнес Мэтью.

– Еще бы понять, насколько она может быть опасной, – добавил Хант.

– В работе наших курьеров самым опасным является пересечение границ, – пояснил Ичин. – Пронос запрещенных к ввозу предметов мимо пограничников, таможи, полиции. Но вы от этого будете избавлены, так как предмета при вас не будет.

– Ясно, – кивнул Мэтью.

– Ну, раз ясно, сэры, я вынужден вас на некоторое время оставить. Вот вам брелочек с одной веселенькой красной кнопкой. Если нажмете на нее, сигнал с вашими точными координатами улетит на спутник, а с него на мой приемник, где бы я ни находился. И я брошусь к вам на помощь со всем своим самурайским рвением.

«У парня развита самоирония», – поразился Уолтер, все больше меня отрицательное мнение о японцах на положительное.

Ичин оставил на столе небольшой черный брелок. Красная тревожная кнопка на нем действительно оказалась веселой, так как была выполнена в виде смайлика с желтыми глазками и улыбающимся полукругом рта.

– Охренеть... – Хант попытался выразить все обуревавшие его эмоции одним словом. – А, знаешь, о чем я вчера вечером думал?

– Очень интересно... – рассеянно произнес Ганни.

Он взял с тумбочки небольшой блокнотик и ручку с логотипом «Хилтона». Сел, и слушая Уолтера начал что-то писать.

– Ты меня вообще слушаешь? – обиделся Хант.

Вместо ответа Мэтью придвинул блокнот приятелю и тот прочитал: «Слушаю тебя не только я, скорее всего. Болтаем о незначительном. Значительное пишем, прикрывая от взглядов возможных камер».

Уолтер перевернул блокнот запиской вниз и продолжил:

– Я вчера думал, что до момента, когда ты решил мне помочь, у меня и шансов выжить не было никаких. А после, мы за несколько часов заработали сначала почти сто косарей, потом по три миллиона на каждого, а затем еще... Как Ичин выразился? Культурную программу в азиатском стиле.

– Да, программа мне тоже понравилась, – широко улыбнулся Ганни. – А Ичин оказался отличным парнем. Хорошо, что он будет с нами.

– Да я не о том! – Уолтер нахмурился. – Мне кажется, Хокудо-сан прав, и ты настоящий везунчик.

– То же мне, открытие! – Мэтью с иронией глянул на приятеля.

Пока шел обмен ничем не значащими фразами, Хант написал: «Мне кажется, тебя проверяют на везучесть. Все подстроено, начиная с Макса. Старая узкоглазая обезьяна наверняка знала, что мы знакомы и догадывалась, что ты не бросишь меня в беде».

Мэтью придвинул блокнот и написал: «Может и так. Я берусь за дело не из-за денег. Тайна и игра. Ты – как знаешь. Можешь не рисковать».

Острие шариковой ручки быстро двигалось по бумаге, оставляя букву за буквой, но на более глубоком нано-уровне оно воздействовало на внедренную в бумагу тончайшую силиконовую сетку, преобразуя каждую нанесенную черточку в цепь электрических импульсов. Чип размером с сердце блохи обрабатывал информацию и по беспроводному каналу отправлял ее к мощному спутниковому передатчику, замаскированному под висящий на стене телефон. Оттуда, в зашифрованном виде, данные уходили сначала на спутник, а с него на смартфон «старой узкоглазой обезьяны», позволяя Таидо Хокудо читать написанное в режиме реального времени.

– Гоядзины есть гоядины, – со вздохом констатировал господин Хокудо, прочтя свое новое прозвище и борясь с закипающим внутри самурайским гневом. – Нельзя обижаться на убогих. Особенно, когда мир только из них почти и состоит. Как дети... Ну, правда, как дети... Впрочем, вышедшего из-под контроля ребенка не только можно, но и нужно привести в себя добрым шлепком по попе. Шлепком пятидесятого калибра, если потребуется.

В глазах сидящего напротив сына читалось непонимание, смешанное с почтением. Парню не было и двадцати пяти, но держался он уверенно и с достоинством, как и положено потомку древнего рода.

– Отец, как вы можете! – произнес он. – Возиться с этими... червяками! Почему я не могу сделать то, что вы поручаете им?

– Дорогой мой Масахиро. Ты зря кипятишься, думая, что доверие, которого ты заслуживаешь, я демонстрирую двум дуракам-гоядзинам. Пойми, я представления не имею, в какой ширины пасть неизвестности им придется сунуться, и что их там ждет. Я не могу, не имею права так рисковать тобой. Потому что ты – мой наследник. И наследник «ХОКУДО». Да, я надеюсь, что они выполнят хоть часть задания раньше, чем разозлят меня до такой степени, что я прикажу Ичину их пристрелить, как бешеных лисиц. Но ведь дело не в этом. Выполняют они часть, или всю миссию, или провалят ее не начав, я все равно не смогу поручить ее тебе. Потому что мы с тобой оказались в роли ловцов такой дичи, которая запросто может проглотить и тебя, и меня, и... Если я прав, эта дичь, при желании, может отправить всю Землю в задницу демона ёкай. А может и всю нашу Вселенную.

– Вы не преувеличиваете, отец?

– Нисколько. По тем скудным данным, которые удалось собрать моим людям в разных уголках света, это нечто из ряда вон выходящее, уж поверь. Поэтому мы с тобой поступим мудро, и запустим в клетку к этому льву сначала двух гоядинов. Посмотрим, что с ними станет. А уже потом пойдем, как поступить нам самим.

– Вы как всегда проявляете мудрость, отец, – склонив голову, ответил Масахиро.

Ему, как потомку самурайского рода, не пристало демонстрировать эмоции, а потому следовало загнать ненависть к двум гоядинам поглубже в недра души.

Сами же гоядины, понятия не имея, что каждая написанная ими буква просматривается, продолжали играть в молчанку и переписываться, как школьники на уроке. Мэтью написал небольшой трактат на тему: «Почему я берусь за это дело». Из этого рукописного труда следовало, что Таидо предложил им окунуться в игру, которая действительно, на самом деле, станет тестом удачливости. Что самого Мэтью теория удачи интересовала всегда, а тут можно будет воспользоваться данными, собранными такой могучей корпорацией, как «ХОКУДО». Причем Ганни отметил, что не верит в теорию Таидо в том виде, в котором он ее изложил, ибо это уже за всякими рамками возможного. Скорее, речь идет о более простых вещах, а накрутил Таидо с той лишь целью, чтобы вызвать его, Ганни, любопытство. Причем, старой узкоглазой обезьяне это с успехом удалось. Но в любом случае речь идет об удаче и об игре. К черту покер и стритрейсинг! Пора встряхнуться по-настоящему!

Ознакомившись с докладом приятеля, изложенным на пяти страницах блокнота, Уолтер выступил с ответным письменным заявлением, суть которого сводилась к тому, что разок он уже встряхнулся по-настоящему, вот недавно совсем, у Макса, и если бы не Ганни, то его бы так трянуло автоматной очередью в живот, что ни о каких играх уже и помышлять было бы невозможно. И, если быть честным, Хант предпочел бы в это дело не вмешиваться. Но есть два аспекта, которые не дают ему так поступить. Первый аспект связан с Ганни, так как они друзья, а друзей в таких ситуациях не бросают. Второй аспект был связан с тремя миллионами долларов. И при всей любви к игре Хант всегда радовался не только выигрышу, но и призу, что и отличало его от Ганни. Но, так или иначе, мы вместе, старик, и все такое.

Прочитав эту сбивчивую тираду, написанную отвыкшей от пера рукой, Ганни улыбнулся.

- Ну, значит мы команда, – произнес он вслух.
- «Игроки», – добавил Хант.
- В смысле? – не понял Мэтью.
- Ну, команда «Игроки», – пояснил Уолтер.
- Ты серьезно?
- А почему нет?
- Да потому. Банально до ужаса. И пошло.
- Думаешь?
- Просто уверен, дружище. Мы же не на конкурсе геокешеров собираемся выступать.

На кой бес нам название?

- Для командного духа. – Хант пожал плечами.
- Трех миллионов тебе для духа мало?
- Слушай, старик! – чуть обиделся Уолтер. – Хорош меня попрекать бабосами! Ты от своих тоже не отказался.

– Все, принято! – Ганни шутливо поднял руки, мол, сдаюсь.

Оба приятеля рассмеялись. У обоих на душе скребли кошки, оба понимали, что ни такие деньги, ни такие задания не обходятся без последствий. Но они действительно были игроками. Оба. Каждый в своей ипостаси. И оба не могли упустить шанса ввязаться в подобную авантюру.

Обед, на который через пару часов отвез приятелей Ичин, носил совершенно официальный и сугубо деловой характер. Виски, что называется, «на старые дрожжи» легло замечательно, и быстро привело приятелей в то расположение духа, когда инстинкт самосохранения отступает на пару шагов, а петушиное геройство, наоборот, пробивается на первый план.

Стол накрыли в нью-йоркском офисе, только несколькими этажами ниже кабинета самого Таидо, в специально предназначенном для этого банкетном зале. Из приглашенных присутствовали: Мэтью, Уолтер, Таидо Хокудо, Ичин и Масахиро Хокудо, которого «старая узкоглазая обезьяна» представила не без пафоса в качестве сына и будущего наследника империи «ХОКУДО». Были японские поклоны, которым гоядзинов спешно обучил Ичин по дороге, был обмен любезностями. Все по правилам.

Скромно ели, немного пили. Зато много говорили.

К тому моменту, когда Хокудо-старший закончил излагать концепцию, почему он в качестве приглашенных экспертов выбрал именно Мэтью и Уолтера, принесли сырых осьминогов. Гоядзины вежливо отказались, чем вызвали неприсущее клану Хокудо веселье в стане представителей корпорации. Оказалось, что автором шуток являлся никто иной, как Ичин, запомнивший ряд вчерашних высказываний американских друзей. За что Хант мысленно окрестил его «молодой узкоглазой обезьяной».

Потом выступил Ганни, выразив безмерную признательность за оказанное доверие. Он сообщил, что он и Хант, то есть, оба, вместе, именуемые далее как команда «Игроки», постараются это доверие оправдать всеми доступными, а коль припрет, то и недоступными способами.

Хокудо-старший поздравил команду с крещением и выразил надежду, что удача ее не подведет, и миссия будет выполнена от начала и до конца. В заключение речи он поинтересовался, удовлетворены или американские друзья вчерашней культурной программой, на что получил два искренних утвердительных ответа.

Затем произошло главное. Ичин принес здоровенный бронированный ноутбук, каким, при необходимости, его самого можно было отправить в нокаут, и передал его Таидо Хокудо. Тот, приправив действия пафосными речами, совершил ритуальный перевод шести миллионов долларов на счета Ханта и Ганни, по три миллиона каждому.

За это выпили. Потом выпили еще. И потом еще совсем капельку – на два пальца чистого виски без содовой. Потом Хокудо-старший и Хокудо-младший откланялись и началась опять культурная программа в азиатском стиле, возглавляемая Ичином.

Правда, на этот раз несколько по иному сценарию. Ичин предложил отправиться в казино. Мэтью хоть и изображал из себя крепко пьяного, но соображал отлично. Он сделал вывод, что, как и было обещано, операция началась сразу после обеда и перевода денег, а потому ушки надо держать на макушке и ничего не промучать под веселый шумок.

Начали с покера, причем Ханту и Ганни было предложено сыграть за разными столами. Деньги на ставки Ичин метал по первому требованию, а потому Хант, наверное, впервые в жизни, сосредоточился именно на игре, а не на выигрыше. Именно тут он и понял Ганни. Вот от души понял, на всю катушку. Деньги имеют значение только до тех пор, пока ты в них нуждаешься. А когда за тебя кто-то другой оплачивает ставки, и когда у тебя у самого на счету три миллиона, все меняется. И сам ты меняешься в первую очередь. Кардинально. Ты перестаешь нервничать, как пацан, откидываешь в сторону дешевые понты, да и блеф уходит на второй план. Ты начинаешь играть, строить планы, комбинации, взвешивать шансы, и все это в чистом виде, без тумана меркантильности, который все портит.

Как только у Ханта возникло это ощущение, ему поперло так, как не перло еще никогда в жизни. Причем он отдавал себе отчет, что вот это как раз, не слепая удача, а результат вдумчивого и спокойного анализа, проведенного незамутненным взором. Может в этом и есть секрет удачливости Ганни, о которой среди друзей ходили легенды? Может дело как раз в том, что деньги для него на самом деле, без бахвальства, не имеют значения?

Уолтер вспомнил, что в книге Ластбадера «Белый ниндзя», которую он в юности прочел не без удовольствия, говорилось о состоянии незамутненной водной глади. Типа, когда гладь пруда ровная, тогда и отражает она все без искажений. Но стоит поднять на ней волнение, тут же начинаются искажения и ошибки. И человеческое восприятие, считают япошки, устроено точно так же. Чем оно спокойнее, тем точнее отражает действительность и тем меньше человек совершает ошибок. А деньги, любая мысль о них, спокойствия не прибавляют ни в какой мере.

Игра шла. Причем шла так, как не шла еще ни разу в жизни Уолтера. Он косил соперников, ставил их на колени и давил, как вшей. Эйфория от побед нарастала, количество фишек вообще перестало иметь значение... И тут Ичин попросил покинуть игровой стол.

– Что? – Хант даже не сразу понял.

– Вам, сэр, необходимо закончить игру, – настойчиво повторил японец.

Возражать было бессмысленно. Пришлось сгрести гору фишек и отправиться обменивать их на деньги. У кассы уже стоял Ганни с объемом пластиковых кружочков, вдвое превышавшим находящийся в лотке Ханта. Ну, с ним Уолтер соревноваться и не собирался.

– Я понял Дао игры! – сообщил Уолтер приятелю без всяких обиняков.

– Да ну! – Ганни иронично вздернул брови.

– Да. Деньги в ней не главное.

– Поздравляю, дружище! Вот теперь я могу взять шпагу, стукнуть тебя ею по башке и торжественно посвятить в рыцари игры.

– Без шпаги! – попросил Уолтер. – У меня завтра и без нее башка будет, наверное, раскалываться.

Никогда еще у Ханта от наличности не трещали карманы. Но в этот вечер было именно так, в самом прямом смысле без всяких аллегорий. Правду говорят, что деньги липнут к деньгам. Пропустив еще на два пальца крепкого в баре, троица, с подачи Мэтью, решила, что культурную программу надо закруглять, так как завтра начнется работа, а она потребует максимума здравости.

Но Его Величество Случай решил иначе. И культурная программа получила продолжение самым неожиданным для всех образом. Виной такому перевороту событий послужил мочевой пузырь Уолтера, который дал о себе знать на пути от казино до отеля.

– Ей богу не дотерплю! – пожаловался Хант сидящему за рулем Ичину. – И ты прикинь, если я лопну, то тебе придется самому машину оттирать.

Фыркнув, японец прижал машину к бордюру в том месте, где Гудзон не был наглухо забран набережной, а образовывал небольшой пляж на краю загаженного мусором пустыря. Лучшего места, чтобы справить малую нужду, не найти и в пяти милях вокруг, так что, по здравому размышлению, Мэтью решил присоединиться к приятелю.

Они пересекли пустырь, по всему пространству которого валялись пустые пластиковые бутылки, алюминиевые банки и другой мусор, способный доставить радость бездомным, собирающим его и продающим за бесценок. У самой реки в воздухе висел запах дыма.

– Дымок! – фыркнул Уолтер, расстегивая молнию на брюках. – Это кому пришло в голову устраивать пикник на помойке?

В этот момент, всего в дюйме от его головы пролетел увесистый обломок кирпича.

– Попали! – прокомментировал Ганни.

Хант обернулся и увидел пятерых чернокожих сыновей Африки, то есть, афроамериканцев, как их принято называть по правилам политкорректности. Хотя, как их не называй, белее они от этого не становятся. Ну и склонны сбиваться в банды, что об этом ни говори.

– Слышь, чувак, это чё у тебя в карманах набито? – протяжно пропел один из детей Гарлема. – Слышь, ты там бабосы прячешь, или я к кому обращаюсь?

Остальные четверо улыбались во все широченные физиономии с приплюснутыми, как у боксеров, носами. В руках у двоих были увесистые обрезки водопроводных труб, остальные вооружились булыжниками. Кроме оратора. Тот, по всей видимости, свое орудие как раз и метнул, промахнувшись, в голову Ханта.

Мэтью покосился в сторону дороги, но из-за деревьев «Хаммера» видно не было. Скорее всего, грабители решили, что два подвыпивших джентльмена с какого-то перепугу решили пройтись пешочком, а заодно и отлить у реки. Это позволило бы чернокожим грабителям без труда реализовать весомое численное преимущество в рукопашной схватке, отоварить джентльменов и обчистить их карманы.

Ганни не очень любил драться, зато редко отказывал себе в возможности повеселиться, а потому не посчитал зазорным нажать на брелоке в кармане тревожную кнопку с веселым смайликом.

– Чё ты там ручками шелудишь, чувак! – Предводитель шагнул вперед. – Выворачивай карманы, белоснежка! А то шас те интерфейс перепрограммирую.

Неожиданно выступил Уолтер. Он спокойно шагнул навстречу негру, и уверенным тоном потребовал:

– Документы!

– Чё? – от недоумения африканец замер, как вкопанный. – Какие, твою мать, гребаные документы?

Это перенесло точку инициативы от нападавших к потенциальным жертвам, кардинально сместив психологические акценты. А они в драке играют далеко не последнюю роль.

– Твои документы! – уточнил Хант.

– Ты чё легавый? Покаж свои!

Конечно, тут уже Уолтеру показывать стало нечего, кроме доброго хука справа. Удар вышел неожиданным для противника и, не смотря на чуть разные весовые категории, опрокинул негра на землю. Четверо оставшихся бросились в бой, сначала метнув булыжники, словно гранаты. Но эта артподготовка не нанесла приятелям никакого ущерба – увернувшись от кирпичей, они встали в боевые стойки, готовясь, как и положено американцем, дорого продать свою честь, свободу, и озвученные в начале конфликта бабосы, скорее всего, ставшие его причиной.

Началась свалка. Мало того, что негров было четверо против двоих, так еще половина из них была вооружена стальными дубинами. Каждый удар такой штукой грозит переломом или черепно-мозговой травмой, так что Ганни и Хант вынуждены были с первой секунды перейти в оборону и скорее уворачиваться от ударов, чем наносить их.

Но тут снова все поменялось. Сзади раздался рев, подобный реву океанского лайнера, и темнота извергла из себя чудовище. Точнее показался Ичин, но вид у него был, без прикрас, как у демона – черный костюм здорово подчеркивал этот образ. Еще больше его подчеркивала здоровенная кувалда, предназначенная, скорее всего, для ремонта колес «Хаммера», буде в этом возникнет необходимость. Ручка кувалды имела больше метра в длину, а молот весил килограммов двадцать, самое малое. Но Ичин, держа его в здоровенных ручищах, обращался с ним с такой же легкостью, с какой малыш обращается с детской лопаткой в песочнице.

Приятеля едва успели присесть, как молот, описав дугу над их головами, припечатал одного из негров в плечо. Стальная труба, которую он держал в руке, осталась на месте ввиду законов инерции, а вот ее хозяин просто пропал из поля зрения, как пропадали чародеи в черно-белых фильмах тридцатых годов. В одном кадре он есть, а в следующем уже нет. Раздавшийся из мусорной кучи звук падения обозначил точку приземления незадачливого грабителя.

Не долго думая, Хант схватил упавшую к его ногам трубу и, уже на равных с противником, бросился в бой. По пустырю разнесся громкий металлический звон, словно два древних рыцаря устроили на мечах турнир за сердце прекрасной дамы. И хотя это были не мечи, а куски разобранного в Гарлеме водопровода, Уолтера охватил характерный для битвы азарт. Он даже представил себя крестоносцем, побивающим мавра. Все же виски, в определенных дозах, мощно подстегивает воображение.

После обмена ударами, когда Ханту дважды удалось поразить мавра в конечности, тот решил спасаться бегством. Но, в отличие от древних мавров, у этого не было возможности укрыться за стенами крепости, а потому Уолтер догнал его, сбил на землю подсечкой и добавил добивающий удар в челюсть. Скорее всего, этот, нанесенный из достаточно неудобной позиции, удар, физически не мог отправить мавра в нокаут, но сын Гарлема предпочел сделать вид, что это все же произошло – закрыл глаза и прикинулся черным шлангом.

Мэтью в рукопашном искусстве не был силен так же, как Хант, но зато оказался ловким и быстрым, как помойный кот во время эпической битвы за рыбью голову. Несколько раз, увернувшись от прогудевшей по воздуху трубы, он улучшил момент и пнул противника в коленную чашечку. Тот отпрыгнул, но стоило ему опереться на пораженную ногу, она не выдержала нагрузки и подогнулась. Это лишило негра необходимой мобильности, чем Мэтью и воспользовался в полной мере. Разогнавшись в два резких шага, он, подпрыгнув, полностью оказавшись в воздухе, сгруппировался, и всем телом рухнул на коленопреклоненного противника. Такой прием оказался равносильным падению на негра восьмидесятикилограммового мешка с высоты более метра. Ганни осталось подобрать трофейную трубу и броситься на помощь товарищам.

Но помочь он никому не успел, так как разъяренный Ичин в два удара разметал остатки маврского войска демоническим молотом.

– Ублюдки... – произнес японец, опуская кувалду. – На что угодно готовы, только бы не работать.

Инцидент казался исчерпанным, но в этот момент с края пустыря донесся визг не в меру раскрутившихся колес угоняемого «Хаммера». Один из негров, стоявший на шухере и не принимавший участия в схватке, решил, раз уж так вышло, спереть автомобиль победителей. Вот только такой мощи, каким обладал тюнигованный «Хаммер» с гибридным приводом, угонщик явно не ожидал. Наступив на педаль реостата, он подал на моторы такой ампераж, что машина осталась на месте, бешено вращая колесами. Ее быстро окутывали клубы дыма и пыли.

Не теряя ни секунды и не бросив кувалду, Ичин рванул вперед. Но не к «Хаммеру», как ожидал Уолтер, а наискось, с приличным упреждением, в ту точку, где, по мнению японца, машина окажется в следующие мгновения.

Хант никогда бы не подумал, что человек такой комплекции и такого веса может бегать с подобной скоростью. Ичин несся вперед, выставив перед собой молот, разметывая ногами мусор и выворачивая куски раскрошенного бетона. Было в нем что-то от паровоза, сметающего с путей устроенные индейцами баррикады. Еще больше это сходство подчеркивал фирменный рев японца. Так могла реветь сирена, предвещающая испытательный взрыв термоядерной бомбы.

«Хаммер», продолжая вращать колесами, начал медленно набирать ход. Все же силы трения брали свое, и тяжелый внедорожник разогнался. Однако неосторожность угонщика, слишком резво наступившего на педаль, дала Ичину необходимый десяток секунд, чтобы выскочить на дорогу метра в тридцати по ходу предполагаемого движения грозной машины.

– Он что, сдурел? – прошептал Хант. – Он на таран собрался брать «Хаммер»? Грудью?

Ганни тоже опешил. Такого хода от Ичина никто не ожидал.

– Может он как этот... – предположил Уолтер. – Как ихний гребаный камикадзе, мать его? Решил погибнуть с честью?

– Не похоже на Ичина, – усомнился Ганни.

«Хаммер» медленно набирал ход, пока не схватился шинами за асфальт и не рванул вперед, как снаряд из ствола орудия. Сидящий за рулем негр прекрасно видел гордо стоящего самурая с молотом, но у угонщика и мысли не было, что тот может хоть чем-то ему повредить. Наоборот, сердце негра жаждало отмщения за поверженных в схватке товарищей. И он, плотнее прижавшись к обочине, решил смести Ичина на полном ходу.

Это было очевидно, но японец стоял, как столб. Не дрогнув, и смотря сквозь темные стекла очков прямо в лицо стремительно приближающемуся противнику. Кувалду он опустил к ноге, распрямился, расправил плечи.

– Капец ему, – с грустью констатировал Хант.

Когда «Хаммер» от Ичина отделяло не больше десятка метров, японец просто сделал шаг назад. И все, ничего больше. Просто один шаг назад. Но то, что произошло в следующую секунду, заставило Ханта и Ганни уронить челюсти от удивления.

«Хаммер», продолжая двигаться на приличной скорости, вместо того, чтобы сбить Ичина, как кеглю, в шаге от японца остановился. Нет, он не затормозил! Он сбавил скорость с шестидесяти километров в час до нуля мгновенно, словно заклинило пленку в кинопроекторе. Бац – и остановка. Машина была настолько тяжелой и так хорошо оцентрована, что от такого резкого торможения не перевернулась, не пошла юзом, а просто замерла в неподвижности. Задние колеса у нее чуть оторвались на миг от дороги, но тут же снова опустились на асфальт, подняв клубы пыли.

– Ни хрена себе! – прошептал Уолтер.

Ичин помахал приятелям рукой, мол, хорош пялиться, давайте сюда. И лишь подойдя ближе, Хант сообразил, что же именно произошло. На самом краю дороги в землю был глубоко вкопан обрезок рельсы, к которому кто-то когда-то что-то привязывал цепью. Вкопан он был глубоко, а свободный конец торчал сантиметров на шестьдесят выше грунта. Ичину по колено, а «Хаммеру» точно до середины бампера. И вот именно этим бронированным бампером внедорожник впечатался в рельсу, остановившую его, как броня останавливает пулю.

При колоссальном ударе угонщик с размаху впечатался головой в непробиваемое стекло. Жив остался, но в себя прийти обещал не скоро. Возможно, врачам даже придется бороться за его жизнь. Ичин выволок негра со своего места, швырнул на обочину и нехотя вызвал «911».

– Да, сообщил он. При попытке угона. На рельсу наехал, кто ж виноват! Боюсь, я сейчас на месте остаться не могу. Нет, если у вас претензии, предъявите их господину Таидо Хокудо. Да, тому самому. Он так велел, а я только выполняю приказы.

Он положил телефон в карман пиджака и добавил:

– Поехали. Вот, урод! Соплями мне всю приборную панель забрызгал!

Погрузившись в машину, приятели предпочли воздержаться от комментариев. Внедорожник, как ни в чем ни бывало, понес их к ночному Манхэттену.

– Так ты стоял как истукан, просто чтобы скрыть собой рельсу от угонщика? – все же спросил Уолтер.

– Ну да. А что такого? – Ичин глянул на него через зеркало заднего вида. – Заметил рельсу, решил использовать.

– Что такого? Я бы обоссался, если бы на меня несся «Хаммер».

– Я же говорил вам, что японцем можно только родиться, – рассмеялся здоровяк. – И еще сырые осьминоги... Очень способствуют.

– Причем тут сырые осьминоги?

– Если осмелишься сожрать, остальное уже не покажется таким страшным.

Все трое рассмеялись. Смех всегда разряжает напряженную обстановку.

Глава 5

в которой Уолтер Хант и Ганнибал Мэтью едва не погибают от взрыва, находят тайник, и становятся свидетелями удивительного явления.

Один из личных самолетов Таидо Хокудо оторвался от взлетной полосы и взмыл в небо, пробив затянувшие город тучи. Вместе с ярким солнечным светом, залившим салон, радости Ханту добавила такая же яркая, как солнце, улыбка молодой японки, которая выполняла, по всей видимости, роль стюардессы. Может, она выполняла и другие роли, от японцев чего угодно можно ожидать, но Ханту пока было не до того. Он обдумывал правила предстоящей игры.

Они с Ганни сидели друг напротив друга в удобных креслах, еще одно, у другого борта, занимал задремавший Ичин, а четвертое было свободно.

Ганни откинул столик, расположив его между собой и приятелем.

– Что-нибудь желаете? – произнесла японка таким тоном, словно имела полное представление, что могут пожелать от нее двое мужчин.

– Минералки, – попросил Уолтер.

– Со льдом, – добавил Мэтью.

– Минуточку!

Стюардесса скрылась в проеме овальной двери.

– Мне задача кажется невыполнимой, – признался Хант. – Нет, ну, правда. Это бред какой-то.

– Мне тоже. Но мы взяли деньги за то, что попытаемся ее выполнить. И мы попытаемся.

– Логично, – со вздохом ответил Уолтер. – Но сама постановка вопроса!

– Тут да. Трудно не согласиться. Пойди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что.

С одной стороны и логика есть, с другой – странно все это.

– Какая к чертям логика? – недоуменно спросил Хант. – Я ее в упор не вижу.

– А вот я вижу. Вот смотри. Мы выполняем задание, допустим, находим нужный тайник и узнаем что в нем. Есть логика?

– Ну, тут да. Но почему бы ему не сказать сразу!

– А вот почему. Если мы не найдем тайника, то и не узнаем что в нем должно было быть. Есть логика?

– Есть. – Хант кивнул.

– Вот Таидо и не хочет, чтобы мы знали это без необходимости. Если найдем – дело другое. Это уже оправданная степень риска. А если нет, то на нет и суда нет. К тому же для самих поисков вообще не важно, что мы должны в конечном итоге добыть. Просто любопытство искажает твоё восприятие.

– Ага, и ты туда же, – фыркнул Уолтер. – Кажись, мы оба с тобой слишком много общались с японцами.

– Скорее с японками. С ними мы общались больше.

– С кем поведешься...

– А что тебе, собственно не нравится? – напрямую спросил Мэтью.

– Ну, не знаю. Просто не привык к таким туманным заданиям.

– Я тоже. Но за четкие нам что-то с тобой столько не платили.

– Факт.

– Остается принять правила игры, как данное. – Ганни подмигнул. – Лично меня они даже возбуждают.

– Рад за тебя. Но это за пределами моей ориентации – возбуждаться от возможности попасть на Аляску осенью, промерзнуть до костей, прочихаться...

– И, возможно, заработать еще три миллиона.

Этот аргумент не оставил камня на камне от унылых построений Уолтера.

– Ладно, – согласился он. – Что у нас в активе? Известны примерные координаты тайника. Но дальше что?

– Дальше ключ.

– Это ты называешь ключом? Двигаться на северо-запад непонятно какое расстояние? На собаках, на оленях? Бред! Пока не упрямся в то, о чем не имеем представления.

– Ну, таковы правила игры, старик. Мне так даже интересно. Просто посмотреть, что получится. Нас же никто за неудачу журить не будет. Мы не можем ничего проиграть, понимаешь? А вот выиграть можем до фига.

– Вечно у тебя такая логика, что все хорошо, – усмехнулся Хант. – А я когда думаю, одно дерьмо впереди.

– Это потому, что ты пессимист, – охотно пояснил Ганни. – А я оптимист.

– И что? Какая разница?

– Да есть разница. Понимаешь, дружище, мир не таков, каков он есть, потому что мы его, как он есть, воспринять не можем при всем желании. В мире до фига такого, чего ни мы, ни наши приборы вообще не могут заметить.

– И что?

– А то, что мир это то, что мы воспринимаем. И он таков, каким мы его воспринимаем. Вот я живу в хорошем мире, потому что воспринимаю его таким. Я вижу хорошие последствия у любого события. А ты нет.

– Это гребаная восточная философия?

– Мои наработки, – улыбнулся Мэтью.

– Хреновина это, а не наработки. Впрочем, не важно. Мне вот важно, что нам придется померзнуть. А я этого до крайности не люблю. Но за три миллиона... Да, готов. Тут ты прав.

– Видишь, и мир сразу изменился к лучшему!

Японка принесла минеральную воду. После вчерашних возлияний живительная влага показалась истинным нектаром, очищающим душу. Но радоваться пришлось не долго. Через несколько часов облака под крылом сменились поначалу темной канадской тайгой, а затем белыми проплешинами полярной тундры. А еще через полчаса все затянуло туманом, и в иллюминатор смотреть стало не интересно.

Ичин проснулся, сходил в кабину к пилотам.

– Нас примет небольшой частный аэродром, – сообщил он, вернувшись.

– Погоди... – поразился Уолтер. – Не важно какой?

– Да кто их разберет! – Ичин пожал плечами. – Тут погода меняется постоянно. Одни принимают, другие нет.

– Нет, ну а как же инструкции? Сказано, что с места высадки нужно двигаться на северо-запад. Но если место высадки другое, значит и направление на тайник должно быть другим!

– Почему? – спросил японец.

– Как почему!? Потому что невозможно из точки «Эй» в точку «Би» попасть тем же путем, что и из точки «Си». Если с одного аэродрома нам надо идти на северо-запад, то с другого никак не может быть так же!

– Может, – успокоил его Ичин, перемолов под черепной коробкой суть вопроса. – Вы просто думаете, что «северо-запад», это направление из точки высадки на тайник. Но это не так.

Где тайник, никто точно не знает. И «северо-запад» – это просто одно из правил игры, не более. Никак не точное направление.

– Гениально! – не без иронии произнес Ганни. – А почему бы нам тогда прямо из Нью-Йорка нельзя было пойти на северо-запад?

– Далеко, – просто ответил Ичин. – Тайник на Аляске.

– А, отлично! Просто замечательно! – констатировал Хант. – Я становлюсь оптимистом. Мне хорошо!

– Я правильно понимаю, что из случайной точки мы просто двинемся по случайному направлению? – уточнил Мэтью.

– Не совсем. Где бы мы ни сели, вы двинетесь на северо-запад. Это правило игры. А вот доберетесь вы до тайника или нет, это уже вопрос случайности и удачи, на которой все в этой системе и держится.

– Да, заводит, – прислушался к собственным ощущениям Ганни. – В такое мне играть еще точно не приходилось. Просто обсад.

Хант не понимал, серьезно говорит его друг или стебется.

– Хорошо, а как мы узнаем, что нашли тайник? – подлил масла в огонь Уолтер.

– Это совсем уж просто. Искомый предмет упакован в контейнер. На контейнере логотип «ХОКУДО».

– Да, действительно просто, – хмыкнул Ганни. – Как все гениальное. Ладно, а как мы узнаем, что не нашли тайник? Мы же не можем искать его вечно?

– Это тоже просто, – успокоил его Ичин. – Через сутки после высадки вы, где бы ни находились, и что бы с вами ни происходило, нажмете на тревожную кнопку. И я вас заберу.

– А если на нас волки нападут?

– Тогда тоже жмите на кнопку. И я постараюсь добраться до вас раньше волков. Но это уже не желательно.

– Почему? – насторожился Хант.

– Потому что тогда игра для вас будет считаться законченной, вы вернетесь домой, и будете наслаждаться своими тремя миллионами.

– Неплохой вариант, кстати, – честно озвучил мысли Уолтер.

– С одной стороны да, – в тон ему произнес Мэтью. – С другой – плакали еще три миллиона.

– Все, понятно! – Хант откинулся на спинку кресла и уставился в иллюминатор, за которым ничего не было, кроме серой кисеи. – Но будешь подкалывать меня по поводу этих бабосов, я обижусь.

– Ладно, дружище. Это я для поднятия духа.

Дальше летели молча. Атмосфера была сонной, и Хант даже задумался, а не проверить ли, какие еще желания может исполнить симпатичная борт-проводница. Но встать с кресла даже ради такого было лень.

Посадка оказалась жесткой. Дул сильный боковой ветер, и пилотам из кожи пришлось вылезать, чтобы уместить реактивный самолет на полосу, предназначенную для маленьких поршневых аппаратов.

– Надеюсь, нам не пешком топать? – на всякий случай спросил Уолтер.

Он уже, как и Мэтью, оделся в шубу, меховые штаны и унты. На голову оба натянули огромные меховые шапки. В этой амуниции приятели выглядели, как покорители полюса начала двадцатого века, готовые сойти на льдину.

– Нет. У нас есть снегоход, – ответил Ичин.

– Один?

– Да, двухместный. Еще у вас будет запас еды, воды, компас...

– Почему не навигатор?

– Если у навигатора на морозе сядут аккумуляторы, а такое бывает, у вас не будет никаких шансов. Компас тут, бывает, тоже шалит, но это все же немного другое дело.

– Чем другое? – не унимался Хант.

– Тем, что это случайные флуктуации. А они, как и любые случайности, являются частью игры и могут вывести вас на нужное место.

При помощи двух местных парней из аэродромной obsługi Ичин скатил снегоход с задней рампы самолета, проверил провода, ведущие от гибридного привода, после чего поставил пластиковую крышку капота на место.

– Все готово, – сообщил японец. – Северо-запад, это во-о-он там!

Он выразительно махнул рукой. Шутка была смешной, но приятелям было уже не до веселья.

Хант без малейших споров уступил место за рулем Ганни, помня, как он лихо управлялся с машиной во время погони. Ветер не собирался стихать, дул с востока, поднимая над бетонной взлеткой змеящиеся полосы поземки. Туман висел достаточно высоко, не снижая видимости, а вот солнце сквозь него пробивалось еле-еле, превратившись из источника тепла и света просто в туманный круг на небесах.

Впрочем, толстые меховые одежды не пропускали ни ветра, ни холода. К тому же они изрядно весили, что заставляло прилагать больше усилий при каждом движении, а это тоже разогревало. Пока усаживались на снегоход, Ханту даже жарко стало, но было ясно, что в неподвижной позе избыток тепла быстро сойдет на нет. Ичин выдал обоим очки от снега – дымчатые, чтобы не слепило глаза, если выйдет солнце, и герметичные, чтобы изморозь не налипала на ресницы.

Без лишних слов Мэтью, запустил мотор генератора, повернул рукоять реостата, и снегоход, взыв электромотором, устремился прочь от аэродрома в северо-западном направлении. Уже минут через десять при взгляде назад нельзя было различить ни одного строения. А еще через несколько минут начался лес. Снегоход бодро продвигался по целине. Сначала пришлось петлять между деревьями, но потом на пути попала просека, пробитая для прокладки ЛЭП. Сами вышки местами тоже смонтировали, и даже начали натягивать провода, но, чаще всего, кабели просто свисали с опор. Если не считать самой просеки и редких стальных вышек, места кругом простирались дикие.

– Я бы скинул скорость, – рекомендовал Уолтер. – А то таким темпом за сутки мы окажемся в России и нас заберут в Кей-Джи-Би. С пожизненным сроком и невозможностью прокутить три миллиона.

– Не окажемся, – возразил Мэтью. – Тут пилить еще и пилить. К тому же Кей-Джи-Би у них давно отменили.

– Да ладно!

– Точно тебе говорю! У них теперь Эф-Эс-Би. Но тоже... Лучше не попадать.

Сначала просека шла по равнине, но уже через час пути начали появляться холмы. Солнце стремительно тянуло к горизонту, еще пара месяцев, и наступит полярная ночь.

– Ни хрена себе, как тут рано темнеет! – Хант поежился.

– Может тогда загодя устроим привал? – предложил Ганни. – А то ковырайся потом по темноте.

Так и решили. Хант не стал ничего говорить, но ему показалось, что тяга к приключениям на морозе уменьшилась и у Мэтью. Похоже, он решил забить на свою страсть к игре, переночевать, потом проехать еще немного на северо-запад, дожидаться, чтобы прошли ровно сутки, и нажать «веселую кнопку». В общем, слить тему. И Хант, если честно, не был против. Три миллиона – это тоже до фига.

Спешившись, Ганни сверился с компасом и показал его Ханту. Оказалось, что просека вела скорее точно на север, чем на северо-запад и они уже прилично отклонились от задуманной территории.

– Я думаю, это по фигу, – успокоил приятеля Уолтер. – Главное ведь начать двигаться в указанном направлении. А дальше все должно происходить по воле случая. Вот первая случайность себя и проявила.

– Но не думаю, что приблизила нас к тайнику, – признался Мэтью. – Чем дальше мы едем, тем большей чушью мне кажется теория Таидо.

– А где же твой оптимизм?

– Иди ты в пень! – беззлобно рекомендовал Ганни.

Поземка поднялась и превратилась в настоящую метель. Ветер гнал тонны снега через серое безжизненное пространство, между черными разлапистыми елями, мимо брошенных, и уже никому, наверное, не нужных стальных опор.

– До опупения жизнерадостная картина, – прокомментировал Хант. – Палатка у нас есть?

– Есть, – успокоил его Ганни. – Я еще на аэродроме проверил.

Оказалось, что это не совсем палатка, а скорее нора, собираемая из непромокаемой ткани и дугового каркаса. Но оно даже лучше – не повалит ветром.

– Костер? – спросил Уолтер.

– На кой черт? Ты представляешь, где тут найти хоть одну сухую ветку?

– А от медведей?

– В пень!

Хант не ошибся, искрометный оптимизм Ганни улетучивался стремительно.

Забравшись в нору, приятели вынуждены были прижиматься друг к другу, так как ширины и на это едва хватало. Ни одному, ни другому это не нравилось, даже говорить не хотелось. Солнце село. Навалилась бездонная тьма, а вместе с ней пришел сон.

Проснулся Хант от странного шипения снаружи. Словно кто-то кидал снег на раскаленную сковороду. Уолтер тут же растолкал приятеля.

– Слышишь? – спросил он.

– Кажется что-то со снегоходом.

Они мигом выбрались из норы и поняли, что Ганни прав. Со снегоходом творилось нечто странное. Пластиковый капот, скрывавший литий-полимерные аккумуляторы, съезжил и провалился внутрь, как от жара, а провода, идущие от неработающего генератора, раскалились до красна. Изоляции на них уже не было, но горелым еще воняло.

– Вот те здрасте... – Ганни с недовольным видом склонился над машиной.

В этот момент с юга донесся скрип и треск, словно кто-то огромный там, в темноте, гнул через колено вековые ели.

Ганни оторвал взгляд от раскаленных проводов, и генератора, который уже начал дымиться.

– Что так может шуметь? Ветер?

– Понятия не имею. Что будем делать? Снегоходу кабздец, как бы аки не рванули.

Ганни задумался. Треск в ельнике усиливался.

– Ну, так что? – нервно переспросил Хант.

– Хороший вопрос. Только ответа у меня нет. Надо рвать когти. Ты прав, если что-то с полимерным аккумулятором, он так шандарахнет, что нам не поздоровится.

Упрашивать Уолтера оказалось излишним. Приятели, не сговариваясь, рванули через глубокий снег подальше от снегохода, ругаясь и проваливаясь по колено на каждом шагу. Треск в лесу за спиной нарастал, это начало навевать мысли о разбушевавшемся тролле, крушащем все вокруг огромной дубиной.

– Что-то стремный звук! – задыхаясь от бега в тяжелом тулупе, выкрикнул Мэтью. – На здоровенного зверя похоже.

– Гонишь? Может, земля там провалилась в старую шахту. Не было такой версии?

Когда они удалились на полных сто метров, яркая вспышка осветила окружающее пространство, на миг превратив ночь в день. Следом, треща еловыми сучьями, пронеслась упругая ударная волна, сбив беглецов в снег. Обернувшись, Хант увидел на месте снегохода огненное грибовидное облако, взметнувшееся к небесам. Через пару секунд от него осталось только небольшой клуб дыма. А вот от снегохода и палатки не осталось вообще ничего, кроме нескольких, догорающих в снегу, кусков пластика. Похоже, взорвался не только и не столько аккумулятор, сколько запас бензина для генератора.

– Переночевали! – сплюнул, поднимаясь на ноги, Уолтер.

– Нет, ну еще повезло, что проснулись! – Ганни отряхнул рукава шубы. – А то бы сейчас ногти в одну сторону летели, яйца в другую.

– Повезло? – насторожился Хант.

– Ты чего?

– Повезло! Мы случайно проснулись, старик!

– И?

– Ты говоришь, что теория Таидо – бред. Но за несколько часов произошла уже вторая случайность, кардинально меняющая наши изначальные планы. Сначала просека не туда. Теперь это.

– А если старая узкоглазая обезьяна все это банально подстроила? Не думал об этом? Что известно было, на каком точно аэродроме мы сядем, в какую сторону поедем, куда поведет просека. А насчет аккумулятора, вообще смешно. Простейшая схема, замыкающая его по таймеру, и привет бабушке.

– Чтобы нас угробить? – с недоумением спросил Хант. – На кой это надо? Могли пристрелить. Или Ичин мог помедлить чутка, и негры забили бы нас трубами до смерти. Нет?

– Ладно, хорошо. Пусть случайности. Что нам это дает?

– Еще по три миллиона, возможно.

– Губу закатай обратно! – посоветовал Ганни. – Это непроходимый квест. В принципе. Я, как спец по случайностям, заявляю тебе это со всей ответственностью.

Он хотел сказать что-то еще, но остановился, поскольку неприятный треск начал стихать. Правда, теперь он вроде бы приближался, а шум приобрел такой характер, словно кто-то огромный продирался сквозь ельник, пытаясь догнать беглецов.

– Не хочется говорить, но это похоже на шаги горного тролля, – зачем-то произнес Ганни.

– Не хочется, так помалкивай! – огрызнулся Уолтер. – Двигаем отсюда! Двигаем!

Они снова рванули точно на север. Снег был глубоким и рыхлым, двигаться по нему было тяжело, но оставаться на странном месте не хотелось тем более. Через какое-то время и просека осталась далеко за спиной. Пугающего треска больше слышно не было, только ветер подвывал в еловых ветвях.

– И что дальше? – спросил Ганни. – Ждем на «веселую кнопку».

– Подожди! Ты же не думаешь, что там правда тролль?

– Я уже не знаю, что думать. Все как во сне. Но на провал земли не похоже, ты уж не обижайся. Похоже на что-то огромное и живое.

– Да, словно в ночном кошмаре. Но вряд ли мы спим. Давай выкопаем яму в снегу, как делают медведи на полюсе. Метель сверху заметет, будет берлога. Не замерзнем. А там поглядим.

Копать снег руками оказалось проще, чем можно было подумать. Он оказался пушистым и легким, первые полметра дались вообще без труда, и приятели решили еще чуть углу-

биться, чтобы крышу над ними намело потолще. Внезапно руки Ганни наткнулись на промерзшее до каменного состояния бревно.

– Упс! – произнес он, разгибаясь.

В темноте трудно было разглядеть подробности, но черное пятно на белом снегу однозначно выглядело инородным.

– Тайник? – выдохнул Хант.

– С чего ты взял?

– А что еще?

– Да кто знал, что мы именно тут будем рыть! Это немыслимо! – Мэтью помотал головой.

– А никто и не должен знать! Сказано же, нас к тайнику может привести только цепь случайностей и ничего больше. Никто ничего не подстраивал! Подстроить такое невозможно!

– Это уж точно! – Мэтью был вынужден согласиться, хотя история и казалась ему туманной.

Не сговариваясь, оба начали раскапывать яму вширь. Под ними действительно был бревенчатый настил, причем на глубине сантиметров шестьдесят под снежной целиной. Минут через десять докопались до дыры, видимо служившей дымоходом.

– Рискнем? – Уолтер показал на дыру.

– Наверное, есть смысл! – Ганни присел на корточки и первым соскользнул в дымоход.

Хант незамедлительно последовал за ним.

Внутри было темно, как в гробу. Но под ногами ощущались наваленные поленья и хрустели угли. Значит это очаг, а попали в землянку приятели именно через дымоход. Все было промерзшее насквозь, сырое, мертвое.

Мэтью достал зажигалку из кармана шубы. Звонко открылась крышечка, чиркнуло колесико, высекая искры. Трепещущее бензиновое пламя высветило пространство землянки, построенной явно для жилья. В углу деревянные нары в два яруса, а у стены массивный стол. Посредине очаг с готовыми к растопке поленьями. Вокруг них даже валялись скомканные листы газеты. Один из них, с заголовком, Мэтью его подобрал, остальные подsunул под поленья и поджег. Огонь поднял языки и начал потихоньку разгораться. Сразу стало лучше.

– Пятнадцатое сентября тысяча девятьсот тридцать второго года. – Прочел Ганни дату выпуска газеты. – Ничего себе. Тайником это точно не может быть.

– Пожалуй, – Ханту не хотелось это признавать, но похоже Мэтью был прав. – Хотя уж так случайно нашли, что дальше некуда. Собственно, демонстрация системы Таидо в действии. Его везунчики, возможно, так тайники и находят.

– Бред. – Ганни уселся на массивную дубовую лавку. – Нас водят за нос. Только не могу понять, как и зачем.

– Кто? Старая узкоглазая обезьяна, по-твоему?

– А кто еще?

– Нет, Ганни. Вот тут я с тобой кардинально не соглашусь. Смотри. Допустим, Таидо знал, на каком аэродроме мы сядем. Допустим, нам нарочно подsunули заранее подготовленный аккумулятор, который должен был взорваться. Все это возможно. Но невозможно другое! Как можно было узнать, сколько и в какую сторону мы пробежим, спасаясь от взрыва? И в каком точно месте начнем копать? И на какую глубину? Ты понимаешь, что это абсолютно случайные параметры? В принципе, Таидо не мог знать даже где мы остановимся для привала, не говоря уже об остальном.

– Ну. Да, согласен. Эдак ему пришлось бы ставить землянки по всему пути следования, вплотную друг к другу, чтобы мы хоть одну нашли.

– И то бы мы ее не нашли! Вот не копнули бы так глубоко, и не нашли бы.

– Согласен. – Мэтью развел руками. – Но поверить в теорию Таидо не могу. Точнее не могу поверить, что он это в промышленных масштабах использует на практике. Нет, ну ты сам представь.

– С трудом, да. Но мы ведь в землянке!

– Но это ведь не тайник! Как это может быть тайником, если тут все столетней почти давности? Газеты эти, бумаги...

Он осекся. Замолчал, выпучил глаза и замер, глядя на что-то, лежащее рядом с ним на столе. Огонь бодро потрескивал в очаге.

– Что там? – осторожно спросил Хант.

Ганни выругался. Длинно, витиевато, на грани возможностей английского языка. Затем взял со стола лист бумаги и протянул его Уолтеру. На бумаге было написано:

«Приветствую вас, „Игроки“! Добро пожаловать в настоящие игры!»

Подписи под запиской не было. Ганни держал в руке не пожелтевший лист бумаги столетней давности, но тот не был и новым. Похоже, его положили на стол прошедшим летом, когда в округе еще не было снега. Но летом еще не существовало и команды «Игроки», придуманной прикола ради. И никто, решительно никто, не мог знать, что кто-то назовет ее таким банальным и дурацким названием. И уж тем более, летом, не мог знать об этом Таидо.

– Это не старая узкоглазая обезьяна, – уверено заявил Хант. – Нет, старик, мы спим. И видим друг друга во сне. Или нас убило взрывом, и теперь глючит посмертными глюками. Этого быть не может. Потому что не может быть никогда.

– Трудно не согласиться, – серьезно ответил Ганни. – Рациональные объяснения тут точно не катят.

– Никакие не катят. Можешь придумать иррациональное объяснение?

– Легко! – Мэтью немного повеселел. – Мы с тобой, допустим, вернулись, соединили наши капиталы, и построили, прикинь, машину времени. На ней вернулись в прошедшее лето и сами себе оставили записку? Катит?

– За каким гребаным дьяволом нам это понадобилось? – хмуро спросил Уолтер.

– Чисто по приколу.

– Ну, если это твои шутки с машиной времени, я еще поверю. Я бы так делать не стал. Вот только есть тут одна весома неувязочка. Почерк не твой.

Почерк, действительно, был чужим. Причем буквы неизвестный писец выводил не бегло, а достаточно старательно, словно писал на чужом языке.

– Японец! – уверенно воскликнул Ганни. – Сто пудов японец! Ему латиница дается с некоторым трудом! Чувак привык писать иероглифами!

– Таидо придумал машину времени? Потом узнал, где мы копали яму. Летом устроил тут землянку, накидал старых газет и подложил эту записку. Старая узкоглазая обезьяна ведь знает, как мы назвали команду, поздравил нас с крещением, помнишь?

– Бредово, но все факты в эту теорию укладываются, – признал Ганни.

– Почему бредово? «ХОКУДО» специализируется на чем? На всяких высокотехнологичных разработках. А я слышал, по «Дискавери» говорили, что машина времени возможна, просто в нее гребаную прорву энергии надо вложить. Есть ведь логика!

– Есть, – согласился Мэтью. – Но за каким чертом? Вот на фиг старой узкоглазой обезьяне это надо? Чего он вообще до нас докопался?

– Трудно сказать. Но может и разберемся. В любом случае нам надо Ичину о землянке сказать. Вдруг она все же имеет отношение к тайнику?

– Не имею возражений.

Осмотрев землянку при свете огня, разгоревшегося в очаге, и ничего больше интересного не обнаружив, приятели забрались на нары, радуясь, что они отдельные. Оба достаточно быстро уснули.

К утру огонь погас, но под нарами обнаружилось еще достаточно дров, чтобы, при необходимости, можно было снова разжечь огонь и согреться. Через дымоход уже проникал дневной свет, хоть и скудно, но освещая пространство землянки. Хант посадил Ганни, потом тот помог выбраться приятелю. Друзья перемазались свежей сажей, поэтому походили на двух чертей, выбравшихся из адского пекла.

Туман рассеялся, солнце светило гораздо ярче, чем вчера, ветер стих, да и вообще поутру страхи склонны поджимать хвосты и прятаться в тенях прошедшей ночи.

– Сходим, посмотрим? – спросил Ганни.

– Что осталось от снегохода? И так понятно.

– Нет... Я про вчерашнего тролля. Что там на самом деле могло происходить?

– Ладно, идем.

Уолтер не хотел выглядеть трусом, но, если честно, сам бы он предпочел держаться подальше от странных мест. Он вспомнил фильм про перевал Дятлова. В той истории тоже полно загадок, причем загадок очень нехороших. Есть даже люди, считающие, что русских туристов убили в горах фантастические существа, то ли тролли, то ли злобные духи. Когда сидишь в кинотеатре, пожевывая попкорн, это воспринимается в одном ключе. Но когда ты сам в снегах между елок – как-то все уже намного ближе переживается.

– Может, дерево упало? – Хант решил приободрить сам себя.

– Дерево падает за секунду, ну за две. А там несколько минут что-то трещало, – возразил Ганни.

Добравшись до места, где взорвался снегоход, ничего нового приятели не обнаружили. Небольшая воронка, расплавленные куски пластика и вывернутые дуги палатки. Хант хмыкнул и нехотя двинулся дальше, а Мэтью зачем-то отклонился чуть в сторону.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.